

ЛЕВ ГУМИЛЕВ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Александр Владимиров
вице-президент Коллегии военных экспертов,
кандидат политических наук,

Тезисы к логике этногенеза и пассионарности основных современных геополитических игроков, и императивы национальной стратегии России

Смею утверждать, что при анализе обстановки и выработке государственных стратегических решений этногенез и состояние пассионарности этносов наших геополитических партнеров, да и своего собственного российского суперэтноса, еще никогда не оценивались стратегией.

Этот этюд представляет собою не более чем нашу честную (и вообще первую) попытку применить учение нашего великого соотечественника Льва Гумилева об этногенезе к анализу состояния ведущих геополитических игроков и поиску неких императивов национальной стратегии России в XXI веке и на более дальнюю перспективу.

Наша работа будет не результатом исследований профессионального этнолога, но плодом раздумий профессионального стратега, который анализирует доступную всем информацию, но анализирует под новым углом и в целях национальной стратегии.

В этой работе мы хотим попытаться выявить, каким образом на современные политические, экономические и идеологические столкновения государств и цивилизаций и их исторические судьбы влияют (или могут влиять) – разность пассионарности и разные фазы этногенеза их суперэтносов и разные доминанты (стереотипы) их поведения.

Этот новый подход к формированию основ стратегии государства нам представляется важным и потенциально крайне плодотворным, так как он оперирует масштабными и, абсолютно стратегическими категориями и содержит в своем существе объективные обобщения геополитического уровня.

Мы ожидаем (и надеемся), что его применение к анализу сегодняшней ситуации в мире может совершенно неожиданно высветить (и во многом объяснить) некоторую «странность» поведения основных субъектов современной геополитики и, быть может, поможет нам такое поведение и предвидеть (это само по себе важно, так как мы знаем: «кто предупрежден – тот вооружен»).

Поскольку теоретической базой наших рассуждений является теория этногенеза Л. Гумилева, то нам представляется необходимым сначала привести несколько самых важных тезисов его теории.

Теория Л. Гумилева об этногенезе и ее применение в стратегии

Преамбула.

Необходимость нашего обращения при анализе геополитических взаимодействий к творчеству великого евразийца вызвана тем, что, по нашему мнению, сегодняшний kaleidoscope мировых событий с неизбежностью вызывает некую «абerrацию близости» (то есть вызывает у аналитика ощущение важности именно сегодняшних событий, относительно дальних и общих тенденций развития, их закономерной и длительной повторяемости). Это, безусловно, не позволяет взглянуть на проблему сверху, в целом, и в ее диалектическом развитии.

Кроме того, нам представляется, что сегодняшние сугубо политологические (политтехнологические) подходы к анализу глобальных явлений упускают из виду, на наш взгляд, основную составляющую современных мировых взаимодействий, а именно их этническую и цивилизационную компоненту.

Основы теории

Отсылая уважаемого читателя к книгам Льва Гумилева, тем не менее, напомним, что согласно его теории этнос (народ), который является природной системной целостностью и представляет собой «устойчивый коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам, имеющих внутреннюю структуру, в каждом случае своеобразную, и динамический стереотип поведения», имеет свои сроки существования, измеряемые (в целом) в 1200–1500 лет, в течение которых этнос проходит ряд стадий своего развития «от рассвета до заката».

В свою очередь, каждая из этих стадий – фаз этногенеза характерна только ей присущим тоном пассионарности и, в зависимости от его (пассионарности) напряжения, стереотипом поведения людей, народов, наций, государств и даже цивилизаций.

Этот базовый стереотип объективно изменяется в соответствии с фазой этногенеза, каждая из которых измеряется несколькими веками.

Характеристики самих фаз этногенеза мы будем приводить далее по тексту, параллельно рассматриваемым геополитическим субъектам и их суперэтносам.

Принцип этногенеза – угасание пассионарного импульса вследствие энтропии, или (что то же самое) утрата пассионарности системы из-за сопротивления окружающей этнической и природной среды. При этом, по Гумилеву, «пассионарный импульс – поведенческий импульс, направленный против инстинкта личного и видового самосохранения, другими словами, это избыток биохимической, жизненной энергии людей, дающий им способности к сверхнапряжению и жертвенности, ради часто иллюзорной цели».

Поскольку пассионарность есть энергия, то она, после пассионарного толчка, вызванного внезапной мутацией, имеющей природный (или сегодня, может быть, даже социальный) характер,

– растрачивается в процессе этногенеза. Она уходит на создание культуры, строительство городов, на создание идеологий и политическую деятельность, на территориальную экспансию и войны и т.д., то есть на тот труд, результатом которого есть сегодняшняя человеческая цивилизация.

Такой труд требует усилий сверх тех, которые необходимы человеку, только для того чтобы существовать в равновесии с природой. Это значит, что без пассионарности и без ее носителей – пассионариев человечество просто не состоялось бы.

Лев Гумилев пишет о пассионарности так: **«...пассионарность – это способность и стремление к изменению окружения... Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии не могут заставить себя расчитать последствия своих поступков. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность – атрибут не сознания, а подсознания, и важный признак, выражающийся в специфике конституции нервной деятельности. Степени пассионарности различны, но для того чтобы она имела видимые и фиксируемые истории проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, то есть это признак не только индивидуальный, но и популяционный»**. Это значит, что не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой (общества), который можно назвать уровнем пассионарного напряжения.

«Работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню пассионарного напряжения». (Здесь и далее выделено мной. – А.В.)

«Хотя пассионарность – стихийное явление, тем не менее, оно может быть организовано той или иной этнической доминантой. (Этнической доминантой мы называем явление или комплекс явлений – религиозный, идеологический, военный, бытовой, который определяет переход исходного для процесса этногенеза этнокультурного многообразия в целеустремленное однообразие.) Но она может и расплескаться, не слившись в единый поток».

Надо отметить, что поддержание высокого уровня пассионарности нации для обеспечения ее выживания настолько важна, насколько и не понятна. Это понял тысячи лет назад один из безусловно великих народов – евреи. Они специально и искусственно поддерживали высокий пассионарный национальный модус путем создания специальных стрессовых и мобилизующих условий его исторического бытия, начиная от «исхода» древних евреев из Египта и кончая его жизнью в постоянном враждебном окружении. Образ всегда имеющегося врага, угрожающего самому существованию этноса, также является пассионарным стимулом, как им является и «свобода», и внешняя агрессия, и специально культивируемые комплексы расовой, религиозной, национальной ненависти (фобии), и комплексы национальной неполноценности.

«Основной тезис этнологии диалектичен: новый этнос, молодой и творческий, возникает внезапно. Он ломает обветшалую структуру и обездушенный, то есть утративший способности к творчеству, быт старых этносов. Он, в грозе и буре, утверждает свое право на место под солнцем».

В крови и мучах он находит свой идеал красоты и мудрости, а потом, старея, он собирает остатки древностей, им же некогда разрушенных. Это называется «возрождением», хотя правильнее сказать «вырождение». И если новый толчок не встряхнет дряхлые этносы, то им грозит превращение в реликты. Но толчки повторяются, хотя и беспорядочно, и человечество существует в своем разнообразии».

Если этносы (а тем более их усложненные конструкции – суперэтносы) живут в своих экологических нишах – вмещающих ландшафтах (кривая этногенеза отражает их развитие достаточно полно), то у них есть серьезные шансы прожить свои 1200–1500 лет.

Если происходят крупные миграции, сопряженные с социальными, экономическими, политическими и идеологическими феноменами, да еще при различном пассионарном напряжении этносов, участвующих в событиях, то возникает проблема – обрыв или смещение прямых направлений этногенеза, что всегда чревато неприятными или даже трагическими неожиданностями для этих участников.

При таких коллизиях проигравший (при этом совсем не всегда, заведомо слабый) этнос, как правило, исчезает. Если он не исчезает, то процесс его этногенеза восстанавливается, но в его теле всегда остаются рубцы и память об утратах, часто невосполнимых.

Суперэтнические контакты порождают нарушения закономерности развития. Их следует учитывать как объективные зигзаги и необходимые составные части этногенеза конкретного суперэтноса, так как никто из них не живет одиноко на нашей планете, а отношения между соседями бывают разнообразными.

При взаимодействии двух суперэтнических систем задача может легко решаться противопоставлением «мы (наши) – они (не наши, или враги)», но при трех и более – решение получить трудно.

Как, наверное, уже успел заметить наш подготовленный читатель, Россия сегодня находится именно в такой ситуации, то есть практически в прямом соприкосновении с североамериканским суперэтносом и в прямом непосредственном соприкосновении с суперэтносами Китая, Европы и «Ислама».

По поводу этнических контактов Лев Гумилев отмечал, что «последствия смешения этносов всегда разнообразны, ибо зависят от ряда обстоятельств»:

1. Характера взаимодействия того или другого этноса с окружающей географической средой, ибо от этого зависят способы ведения хозяйства, которые вызывают либо симбиоз, либо соперничество.

2. Соотношения фаз этногенеза обоих компонентов. Фазы могут совпасть или нет, а в последнем случае более пассионарный этнос давит на соседа независимо от личного желания его представителей, даже вопреки их воле.

3. От комплиментарности, проявляющейся при совмещении культурно-психологических доминант, которая может быть позитивной или негативной. Знак комплиментарности проявляется в безотчетной симпатии или антипатии на популяционном уровне.

4. Перспективности контакта, ибо он может вести либо к ассимиляции одного этноса другим, либо к элиминации, а проще – к истреблению одного этноса другим, либо к слиянию двух этносов в третий единый – это и есть рождение этноса».

По нашему мнению, уже только эти положения теории этногенеза заставляют нас глубоко задуматься по поводу того, что может ждать Россию в недалеком будущем, в результате ее контактов с современными нам суперэтносами, и «чего от кого надо ждать». Другими словами, оценка этого фактора должна дать нам выводы о стратегии России в XXI веке.

Нам представляется необходимым сказать еще о таком важном свойстве этносов, как возможность их регенерации, «вторичной кристаллизации этногенеза». Лев Гумилев пишет об этом так: «Время врачует самые тяжкие болезни этносов. И наступает выздоровление, когда происходит процесс вторичной интеграции или, вернее, регенерации».

Мы считаем, что это свойство, крайне важное само по себе, скоро может стать нашим российским «упованием», то есть последней надеждой национального возрождения.

Взаимоотношения суперэтносов

История человечества убедительно показывает, что контакты на уровне суперэтносов – дело совершенно обычное, объективное и необходимое. Но очевидно и другое: эти контакты могут проходить по разным сценариям, а их результаты приводят к разным последствиям.

Эта разность последствий таких контактов прямо зависит от степени комплиментарности самих суперэтносов.

Если комплиментарность этносов позитивна, то наиболее вероятен контакт, который ведет в итоге к взаимному обогащению и даже слиянию этносов, а в идеале и к образованию нового суперэтноса.

Если комплиментарность негативна, то контакты суперэтносов могут носить (как правило, носят) характер антагонистического столкновения. Следовательно, различия при контактах столь велики, что «чужое» кажется «противоестественным и диким», а возникающий в результате столкновения стереотип поведения суперэтносов формируется по линии брезгливого отторжения ценностей друг друга. Все это чревато обоюдным уничтожением этносов (суперэтносов), так как они обоюдно считают своих оппонентов «нелюдью» и отказывают представителям противоположного «лагеря» в праве на жизнь.

О химерах и антисистемах

Еще одним примером и частью теории этногенеза, представляющей нам важную в плане рассматриваемой проблемы, является учение о химерах и антисистемах, как феномене контактов суперэтносов и их культур.

Лев Гумилев также отмечает, что при столкновении этносов с разной комплиментарностью может насильственно образоваться химерная целостность, которая всегда оказывается неустойчивой. В ареалах столкновения этих этносов, где базовые генетические национальные (суперэтнические) ценности (а значит, и поведенческие стереотипы) неприемлемы с обеих сторон, обычная жизнь теряет свою повседневную обязательную целеустремленность и люди начинают метаться в поисках смысла жизни, которого они никогда не находят, пока не определятся окончательно со своей личной и суперэтнической идентификацией. В качестве доказательства правоты и корректности тезиса давайте вспомним наше собственное состояние национального унижения и растерянности от итогов «холодной» войны, «дикой демократизации» последнего десятилетия минувшего века, ельцинской «свободы» и приватизации национального достояния ворами от власти, насильственной вестернизации нашего бытия и национальной культуры.

«Идеал меняет знак» – так рождаются философские концепции, отрицающие диалектику жизни (развитие жизни – через жизнь и смерть), которые мы обозначаем как ереси и которые тоже являются, по сути своей, упрощающими антисистемами.

Так могут родиться и геополитические антисистемы – химеры, как результат первоначально кажущихся успешными попыток насильственного слияния суперэтнических систем, когда этносы, принадлежащие к разным суперэтносам, живут в одном ареале, пронизывая друг друга, но практически не смешиваясь.

Вспомним, что США, Россия, Китай, Европа и «Ислам» являются суперэтносами, взаимная комплиментарность которых, по меньшей мере, неоднозначна.

Лев Гумилев полагал, что «для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок, например, момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза; и внедрение чужого этноса. Пусть даже обе системы будут перед началом процесса положительными и творческими, как в плане экологии, так и в аспекте культуры. Совмещаясь, они порождают антисистему, явление побочное, возникающее помимо воли участников».

Заметим себе, что сегодня мы имеем в России явный упадок, а внедрения чужого этноса мы можем ожидать (с учетом наших прогнозов развития Китая или действий «радикального Ислама») уже довольно скоро. Правда, нас может утешать сознание того, что западные суперэтносы к нам не придут, а чуждые нам либеральные мировоззрения в российском суперэтносе уже не смогли укорениться.

Китай практически не несет никакой идеологии, так как не имеет ее сам (кроме Китаецентризма), а конфуцианство, несмотря на всю его этическую положительную мощь, у нас всегда будет восприниматься как экзотика. Китай смертельно опасен России только своим физическим (внешним) нашествием.

В этом плане единственной серьезной и смертельной опасностью для России и ее суперэтнаса является его собственная внутренняя радикальная исламизация.

В случае столкновения Китая и (или) «радикального Ислама» с не готовым к этому контакту российским суперэтносом на пространствах России появится суперэтническая и геополитическая химера.

Химерность этого возможного образования может закончиться только аннигиляцией российского великого суперэтноса и исчезновением России как самостоятельной цивилизации.

С точки зрения культуры феномен антисистемы, по мнению ученого, заключается в том, что «идеологическое воздействие иного этноса на неподготовленных неопитов действует подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму. То, что на родине рассматривается как обратимое и несущественное отклонение от нормы, губит целые этносы, не подготовленные к сопротивлению чужим завлекательным и опьяняющим идеям».

Лев Гумилев считал, что для антисистемы как «системы негативной экологии» характерны:

- неприятие действительности, то есть метафизический нигилизм;
- возведение лжи в основной принцип действий («истина и ложь не противопоставляются, а приравниваются друг к другу»);
- сектантство, конспиративность и абсолютная внутренняя дисциплина;
- принцип «цель оправдывает средство»;
- жизнеотрицающее мироощущение, патологическая жестокость и наслаждение самим фактом насилия и разрушения;
- ненависть к иным;
- безальтернативность существования их адептов, для которых их личная смерть «во имя» есть только условие попадания в Рай, и т. д.

К исторически известным антисистемам ученый относил как секты катар, богомилов, павликиан, карматов, исмаилитов, манихеев и иезуитов, так и учение «гностицизм», как философию и логику жизнеотрицания.

Надо сказать, что история доказала бессмысленность компромиссов с антисистемами или попыток договориться с ними или исправить их.

История дала нам только один эффективный способ борьбы с ними, это – полное и бескомпромиссное физическое уничтожение антисистем, их инфраструктур и носителей идеологии.

Современной антисистемой является международный терроризм.

Сегодня мы можем воочию убедиться в том, как рак современной антисистемы терроризма (и ваххабизма) поглощает здоровые клетки человечества.

Далее. Лев Гумилев считает, что пассионарная (биохимическая) энергия, как и всякая энергия, имеет два полюса.

Как влияет биполярность на этногенез? Поведенческая доминанта может быть направлена в сторону усложнения систем, то есть в сторону созидания, или в сторону упрощения систем, то есть в сторону стагнации и их снятия, саморазрушения (ведь известно, что пределом упрощения является вакуум).

В связи с этим нам представляется корректным привести некоторые аналогии с природой и естественными науками. Мы имеем в виду неслучайное природное разнообразие живых существ и видов жизни, так как очевидно, что только наличие этого разнообразия и делает биосферу биосферой, а утрата даже одного вида жизни не только обедняет природу, но и может поставить всю систему на грань выживания.

В соответствии с законами математики и физики любая система теряет устойчивость при переходе к одномерности. Чем в каждой системе больше точек, узлов, системообразующих стволов и самих систем, тем устойчивее метасистема. Мир должен быть маневренным, иметь много измерений и возможно большее число степеней свободы, так как от этого прямо зависят его возможности развития и качество выживания, ведь при утрате или исчерпании одних возможностей у него всегда останутся или будут существовать новые непройденные пути.

Это значит, что любая «однополярность» просто противоречит логике существования природы, социума и цивилизации.

Мир и его новая архитектура не должны выстраиваться как мир «полюсов» или «центров силы», он должен стать миром «равно уважаемых миров».

Этот тезис, как нам представляется, является сегодня особенно актуальным, так как мы живем и присутствуем (участвуем) при геополитическом процессе, сутью которого является настойчивая попытка США насильственно установить «собственную однополярность» мира.

Таким образом, мы постарались изложить основные положения теории этногенеза. Далее, по мере необходимости (а эти необходимости, мы знаем, возникнут), мы будем приводить другие положения этой теории, в том числе дадим и краткую характеристику фаз этногенеза рассматриваемых суперэтносов.

Теперь постараясь определить с вопросом о том, что представляют собой, взаимодействующие с Россией геополитические субъекты как суперэтнические системы.

ЭТНОГЕНЕЗ СУПЕРЭТНОСОВ ОСНОВНЫХ СУБЪЕКТОВ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ. Современное состояние и прогнозы развития Преамбула.

Хочу сказать сразу, что я полностью разделяю взгляды, подходы и теорию Л. Гумилева и считаю их гениальным прозрением и нашим национальным достоянием.

Но, к сожалению, эти исследования Льва Николаевича прервались с его смертью в 1992 году, а фактологический ряд и промежуточные выводы относительно конкретных этносов его теории были оборваны на 2000 год.

Итак, с какими итогами мы подошли, по оценке Л. Гумилева, к историческому рубежу, разделяющему век нынешний и век минувший?

- США – не указаны в анализе, но поскольку им всего чуть более двухсот лет, то мы, зная их историю, можем с достаточной степенью корректности предположить, что эта страна сейчас находится в стадии перехода от «подъема» к «акматической» фазе (то есть к «перегреву»);
- Европа (Западная и Центральная) – переживает «инерционную стадию», или стадию «цивилизации»;
- Китай – находится в стадии «обскурации» (то есть стадии распада этнической системы);
- «Ислам» – находится в стадии «надлома»;
- Россия – находится в стадии «надлома».

Нам представляется, что начиная с середины XX века (после Второй мировой войны), естественное развитие этносов (их этногенез) перешло к интенсивному виду (типу) развития и уже не совпадает (в отношении сроков) с теорией Л. Гумилева.

Эта констатация, мне кажется, является важной, так как наш великий ученый уже не успел осмыслить новейшие глобальные явления, которые, на наш взгляд, внесли свои поправки к естественному развитию всех без исключения этносов, наций и государств.

К таким новым факторам и тенденциям развития мы относим: очевидную конечную исчерпаемость планетарных природных ресурсов и деградацию большинства вмещающих ландшафтов; глобализацию человеческого бытия (в том числе и его информационную прозрачность); геозкономику, практически стирающую национальные политические границы; рост численности населения государств «третьего мира»; диффузию этносов и рас, то есть практически неуправляемую миграцию огромных масс населения, правда, в понятных направлениях Юг – Север, и Восток – Запад; резкое различие реальных уровней развития научно-технического прогресса и уровней жизни населения «богатых» и «бедных» государств; повсеместный рост напряженности цивилизационных противоречий и т. д.

Эти новые факторы и тенденции развития резко ускорили ритмы и темпы исторического развития мира и, одновременно, темпы «созревания» этносов.

Другими словами, мы считаем: то, что раньше вызревало веками, сегодня созревает уже поколениями, а весь цикл этногенеза от «рассвета до заката» этносов – сокращается.

Причем возможности утраты пассионарности или ее возрождения во многом обуславливаются внешними факторами бытия этносов (и особенно суперэтносов) и их исторической генетикой и прямо зависят от давления на них внешней среды и, особенно, от силы организованного давления на них их геополитическими и цивилизационными оппонентами.

Кроме того, мы считаем, что напряженность жизни старит этнос и суперэтнос преждевременно (как и человека). А значит, при крайнем напряжении своего бытия суперэтнос может прожить весь цикл своего этногенеза как бы экстерном, то есть уместить его всего в несколько поколений.

Именно эти выводы сформировали несколько важных вопросов, на которые мы пока что не нашли ответы в мировой современной политологии:

1. Что ждет Америку (?) и что ждет в этом плане нас, Россию?

В США уже сложился новый этнос, то есть американский народ? Если да, то какой субэтнос (англосаксы, афроамериканцы, латиноамериканцы и т. д.) будет там, в обозримой перспективе доминировать? Другими словами, какая нация в США – титульная?

Этот вопрос и ответ на него нам представляется крайне важным, так как каждый этнос (нация) имеет свой набор базовых ценностей, свою ментальность, свою национальную психологию, свой национальный темперамент и уровень пассионарности, свой стереотип поведения – а следовательно, и свои представления о стратегических направлениях (а в случае титульной нации речь идет о ее возможностях формировать правящую элиту) развития государства.

Так как на войнах пассионариев всегда убивают (и убивают в первую очередь), то в итоге это важно для всех. Ведь согласно теории Л. Гумилева, само наличие (и количество) обладающих пассионарностью членов данного этноса прямо свидетельствует о его (этого этноса) способности к этногенезу (развитию) и о его творческом и цивилизационном потенциале.

В связи с этим в настоящее время возникает целый ряд вопросов, связанных с проблемой оценки пассионарности суперэтносов.

Например, является ли прямым проявлением высокого уровня пассионарности сегодняшней милитаризм США, их явная агрессивность и поиск точек приложения своих военных мускулов?

Как борьба (война, декларируемая президентом Бушем) с мировым терроризмом скажется на этногенезе, а в нем – на уровне пассионарности этого этноса?

Американская военная, техническая, экономическая и информационная мощь увеличивает пассионарность нации, ослабляет или делает ее просто другой?

2. Мы считаем, что это особенно важно понять относительно пока проигрывающей стороны – Ближнего и Среднего Востока («радикального Ислама»), так как физическое уничтожение явных пассионариев – террористов, с одной стороны, явно уменьшает пассионарное напряжение этих народов, а с другой – их явная и открытая (принордная) жертвенность не может не увеличивать пассионарность нации.

Исходя из того, что ждет нас в отношениях с этим политическим игроком и что мы должны делать в связи с его уже начавшейся экспансией?

3. В какой стадии этногенеза находится современный Китай? Что у него впереди? Что нам ждать от него и как выстраивать наши отношения с ним сегодня, к чему готовиться завтра? Как нам (и против кого) дружить, где черпать силы и не воевать, а если уж воевать, то как?

4. Где, в какой стадии этногенеза находится сейчас Россия? Каковы перспективы в отношениях с другими ведущими геополитическими игроками? Что будет с нами самими, какие меры подготовки надо предпринимать? Как Россия должна развиваться и какова судьба нашего российского суперэтноса?

5. Каково будущее Европы? Каково наше будущее в Европе?

Этим и другим вопросам – несть числа, а ответы пока не ясны, так как пока что мы их ищем в плоскости субъективной сиюминутности и логике современной политологии, а не в объеме и логике вековых и объективных процессов.

Далее. Нам представляется важным постараться выяснить некоторые характеристики суперэтносов, связанные со взаимоотношениями внутри их, то есть взаимоотношения составляющих субэтносов, на предмет внутренней устойчивости суперэтносов, так или иначе формирующих поле основных геополитических взаимодействий.

Например, вопрос о том, «есть ли что делить субэтносам раз-

ных суперэтносов?», может показаться риторическим, так как «что делить» есть всегда и везде. И тем не менее, нам эти ответы представляются важными, поскольку они могут дать нам представление о внутренней устойчивости самих суперэтносов. Это важно как при общей оценке обстановки в мире и формировании необходимых прогнозов, так и при выработке стратегий своего поведения относительно каждого из них.

Итак:

• Есть ли что делить субэтносам в США? Есть – это власть, богатство и возможности, которые сейчас находятся, в своем подавляющем объеме, у англосаксов.

• Есть ли что делить субэтносам в Общеввропейском доме? Нам представляется, что ответ здесь совершенно не однозначен, поэтому мы рассмотрим его ниже.

• Есть ли что делить субэтносам в Китае? Как нам представляется, там субэтносы «задавлены» подавляющим численным превосходством ханьцев, идеологией и государством до такой степени, что о них как о самостоятельных этнических субъектах говорить трудно и пока что рано. Поэтому будем считать, что в Китае им делить нечего.

• Есть ли что делить субэтносам в «Исламе»? Есть – это влияние в мире Ислама, так как весь современный Ислам состоит из субэтносов, борющихся за влияние в нем.

• Есть ли что делить субэтносам в России? Мы считаем, что сегодня можно делить не столько бюджет, сколько ответственность и трудности.

А теперь попробуем сформулировать собственное видение сформулированных выше проблем.

I. Логика этногенеза (эволюция пассионарности) Запада – США и императивы национальной стратегии России.

Согласно нашим выводам, США сегодня переходят от «подъема» к «акматической» фазе (то есть к «перегреву»).

Акматическая фаза этногенеза характерна колебаниями пассионарного напряжения в системе после фазы подъема на предельном для этой системы уровне пассионарности.

Согласно нашему предположению (определению), суперэтнос США сейчас находится в «акматической» стадии, то есть в стадии пассионарного перегрева, который наступает, согласно теории этногенеза, примерно через 150 лет после начала явного подъема.

Если считать возраст США со дня их официального образования (1776 г.), то теперь этому государству (но этносу ли?) 234 года. Если считать временем начала образования североамериканского суперэтноса сам факт и время завоевания Америки европейскими колонистами (XVI в.), то можно считать, что ко времени принятия Конституции США (1787 г.) тот суперэтнос уже сложился, и Основной Закон стал свидетельством его явного подъема.

Отсчитаем от этой даты 150 лет и получим двадцатые годы XX века (почти что дата интервенции США против Советской России).

А значит, можно считать, что с того времени и началась фаза пассионарного перегрева североамериканского суперэтноса, в которой он будет находиться еще (по Л. Гумилеву) 100–150 лет.

Как показывает анализ, явные подъемы США приходятся на периоды начала XX века (окончившийся Великой депрессией) и окончания Второй мировой войны (с 1945 г. практически не прерываясь). Анализ этого феномена обнаруживает интересную картину и позволяет сделать важные выводы относительно характерных особенностей этого суперэтноса и качества его этногенной устойчивости.

Ритм постоянного подъема (и сама необходимость именно в таком ритме развития) диктуется самой экстенсивной моделью имперского государства (государственных предпочтений и геополитических императивов типичной «морской» цивилизации, живущей за счет колоний), а также особенностями (индивидуалистического и эгоистического в своей генетике) социально-культурного кода нации.

США, будучи общепризнанным «плавильным тиглем народов», сложить их в единый этнос (суперэтнос) окончательно так и не смогли, но зато они сумели поддерживать его активное состояние и внутреннее единство за счет постоянного улучшения качества жизни.

Это в принципе стало возможным только за счет эксплуатации ресурсов практически всего остального мира.

Сегодня уже стало очевидным, что, даже устранив своего явного и открытого глобального геополитического конкурента – СССР, а теперь «заканчивая» с Россией, США на этом не успокоятся. Они будут последовательно и настойчиво «дробить Китай демократией и правами человека», не дадут «взростеть» Объединенной Европе и станут и дальше поддерживать разобщенность исламского мира, добиваясь своей абсолютной власти «над вселенной».

Основными принципами реализации этой «новой американской мечты» являются:

- глобализация через дестабилизацию мира и дискредитацию всего национального;

- ложь и двойные стандарты – как признанное право сильного;

- элиты отдельно – народы отдельно;

- монопольное управление всеми жизненно важными ресурсами планеты, то есть не только нефтью и газом, но и лесом, пресной водой, морепродуктами и даже чистым воздухом (для чего уже готовится соответствующая военная и технологическая инфраструктура).

Как нам представляется, весь трагизм (и одновременно фарс) этой «мечты» и ситуации заключается в том, что «кто-то» в США (их политическая, экономическая, силовые и специальные элиты) так думает и всерьез уверен в реальности этих устремлений и вечной устойчивости доминантных позиций американского государства.

А это не так.

Грех гордыни всегда наказуем, и наказание может наступить довольно скоро. Ведь в действительности «такая Америка», способная предложить миру только свои необеспеченные доллары и собственные гипертрофированные военные мускулы, – уже никому не нужна, и скоро мир не только поймет это, но и станет жить своими мозгами.

Тем не менее, констатируем главное: США могут жить и существовать, только грабя других, и никак иначе.

Этот процесс должен поддерживаться постоянно и любой ценой, так как объективное ухудшение условий жизни населения США почти неизбежно приведет к утрате всякой суперэтнической идентичности. И тогда суперэтнос расколется на враждующие этносы, из которых он и сложен, то есть на англо-саксов, афроамериканцев, латиноамериканцев и другие этнические общности (например, сегодня среди граждан США насчитывается десять миллионов китайцев и более шести миллионов мусульман).

Другими словами, этносы, которые имеют в своей собственной этнической генетике разные шкалы базовых ценностей и которых объединяет почти исключительно проблема общего потребления, могут начать вести междоусобную борьбу (вплоть до гражданской войны) уже с началом первых серьезных экономических трудностей.

Кроме того, этногенез североамериканского суперэтноса (США) будет неизбежно осложняться проблемой его титульной нации. Она состоит в том, что США созданы европейцами (белыми англосаксами), которые с тех времен и до сих пор пока еще составляют большинство населения этого государства, являясь одновременно самой мобильной, пассионарной, образованной и экономически мощной государствообразующей его частью. В настоящее время демографическая ситуация в США складывается следующим образом: белое (и уже неустойчивое) большинство стремительно утрачивает свое количественное превосходство, а значит, рано или поздно, это превосходство будет им утрачено и в экономике, и в политике, и даже в силовых структурах государства. Мы ожидаем появления первых результатов (и последствий) этого процесса уже к середине начавшегося столетия.

Что произойдет? По нашему мнению, к власти в единственной супердержаве придут другие этносы (например, афроамериканцы или латиноамериканцы), и возникает риск нескольких крайне важных и тревожных последствий.

Во-первых, может начаться серьезный экономический спад, обусловленный собственными внутренними проблемами (например, проблемами ухудшающегося управления или нехваткой ресурсов).

Во-вторых, ослабнет мощь вооруженных сил США, что немедленно скажется на всей системе военного присутствия, которое начнет сворачиваться.

Этот процесс может начаться с «исхода» США из Европы, потом из Азии, а потом будет неудержим.

Но самое тревожное может ожидать США внутри собственного континента. Согласно теории этногенеза, фаза перегрева характерна тем, что «... после некоей красной черты пассионарии ломают первоначальный стереотип поведения. Они перестают работать на общее дело, начинают бороться каждый сам за себя. ... В конечном счете, пассионарный перегрев может погаситься только кровью».

Заметим себе и этот факт.

Но вернемся к теории.

Рассматривая в этом плане нынешнюю воинствующую модель поведения США, можно сказать, что оно есть следствие пассионарного напряжения (фазы перегрева) североамериканского суперэтноса при доминанте великодержавной спеси, алчности, стяжательства и национального эгоизма, связанной с социально-культурной традицией, присущей именно США.

Чтобы не взорваться изнутри, США выпускают пар, в том числе и пассионарный, «вовне», одновременно решая, таким образом, как задачи внутренней стабильности – через консолидацию нации внешней опасностью, так и задачи геополитические – открытой силовой экспансией.

Акматическая фаза этногенеза недолговечна. Пассионарность, как огонь, и греет, и сжигает.

Л. Гумилев отмечает, что «при переходе фазы пассионарности в акматическую – стремление к расширению ареала наступает столь же неуклонно, как закипание воды при 100°С и нормальном давлении».

В наше время расширить ареал просто так, то есть прямо завоевать территорию – уже не нельзя, но можно освоить ее в виде «зоны национальных интересов» с косвенным присутствием или даже без него.

Примером того, как можно использовать императивы данной фазы для нужд собственной геополитики, являются современные действия США. Эта страна «умудрилась» превратить собственную трагедию (11 сентября 2002 г.) в повод для трагедий других государств (что является верхом цинизма) за счет резкого и наглого расширения сфер не только своих национальных интересов, но и зон своего прямого военного присутствия.

США присвоили себе право на легитимизацию насилия, на проведение «гуманитарных» бомбардировок, и все это, в том числе, и за наш счет. Практически они завершают сегодня геополитическое (и постфактум) оформление результатов своей победы в «холодной войне».

Другими словами, поведенческая доминанта североамериканского суперэтноса и его пассионарность (обеспеченная достигнутым реальным превосходством в экономике, военной силе и информационных возможностях супердержавы) направлены сегодня на упрощение системы – человечества (причем в самых эгоистических целях), то есть на формирование однополярного мира Pax Americana.

Более того, нам представляется, что мы присутствуем при новой ценностной реформации (а реформации, по Л. Гумилеву, есть индикатор надлома):

- западные «демократические» ценности «для всех» заменяются западными же «общечеловеческими» ценностями «для продвинутых и избранных», а эти отменяются американскими (США) ценностями «собственной выгоды во имя себя, и – черт с ними»;

- знак (стереотип поведения) и ценностная ориентация сменяются на «упрощение» – через физическое уничтожение «сложностей».

В этом случае, может быть, это и есть определенное «счастье», когда сильная, пассионарно перегревшаяся нация находит выход излишков ее энергии в борьбе с «мировым терроризмом», а не в физическом захвате территорий или прямой колонизации (это сегодня не столько невозможно, но и не нужно, так как достигается другими методами и в рамках «мирового права»).

В результате государственной практики США политическая корректность больше не является обязательным принципом политики и дипломатии.

Все большее значение приобретает «право силы», что, например, в Косово привело к полному НАТОвскому бандитизму.

Но бандитизм не заложен Богом в природе взаимоотношений людей между собой.

Преступления противоестественны не только в отношении людей, но и государств, а поэтому и подлежат наказанию. Так были наказаны Германия и Япония в 1945 году.

Будет наказана и Америка (США), так как грех алчности, права силы и гордыни, в которые она впала и чей культ насаждает, не может не обернуться на нее саму.

«Карфаген должен быть разрушен», и он рухнет сам, как образование мощное, но априори преступное. Заглядывая в историю, надо сказать, что Карфаген грабил весь эллинский мир и был богат. Более того, о тех грабежах знали все его жители, которые одобряли и даже гордились этим, как своей особой национальной политикой (правда, похоже на США сегодня?). Кончилось тем, что в истории человечества Карфаген остался только как синоним жадности, алчности, разбоя, грязных интриг – и более ничего!

Эгоистическая этика диктует новый стереотип поведения, который, в свою очередь, ведет к упрощению системы, то есть к конечной деградации не только внешней (для США) среды, но и собственного суперэтноса.

Это означает, что не все вечно, и, приняв за закон презрение к остальному миру и возможность (право) насилия над ним, нельзя исключить из него (насиллия) и собственный народ.

По нашему мнению, мы сейчас уже можем наблюдать начало таких процессов, как «свертывание» демократии внутри США и тотальная милитаризация социального бытия и психологии североамериканского суперэтноса.

Кроме того, весь остальной мир может сплотиться не «за что-то», а «против кого-то», хорошо зная, что этот «кто-то» есть США.

Далее. Теория этногенеза говорит также о следующем: в акматической фазе: «кристаллизуется оригинальный для каждого случая

стереотип не только поведения, но и мировосприятия и мироосмысления – то, что мы называем культурным типом». Мы не будем здесь описывать североамериканский культурный тип, поскольку уже касались этой темы в ходе работы. По нашему мнению, культура как таковая, то есть соизмеримая с европейской или русской культурами, в США до сих пор не сложилась. Мы связываем этот печальный феномен не только с молодостью североамериканского суперэтнуса, но и с тем, что изначальный конгломерат национальных культур его субэтнуса не сплавился в единую культуру (как не стал монолитным и сам суперэтнос).

Почему? Изначальными приоритетами в подходах к формированию всех сфер национального бытия, в том числе и культуры, стали приоритеты их развлекательности и коммерческой выгоды, а значит массовости и неизбежного потакания вкусам плохо образованных людей, объединенных поиском «кайфа», а не глубокими чувствами и мыслями (кстати, такая особенность, как и потребление, является одной из очень немногих национальных ценностей, объединяющих субэтнуса этого суперэтнуса).

Тем не менее, в США сложился некий облик «среднего американца», который доволен своей жизнью, работой и семьей, подчеркнуто патриотически настроен и является законопослушным исправным налогоплательщиком, озабоченным исключительно проблемами собственного бытия. Мы не будем добавлять к этому официальному «светлому образу» много других красок. Скажем только о том, что американцы, в своем подавляющем большинстве, – просто хорошие, работающие и честные, но плохо образованные люди, свято верящие в свою демократию и в то, что «Америка превыше всего», Увы, их кругозор и интересы не простираются дальше границ своего штата, а страной управляет элита, которая готова к «войне за американскую мечту до последнего сомневающегося в необходимости победы».

Кроме того, Лев Гумилев предупреждает, что «повышенная пассионарность суперэтнической системы дает положительный результат (успех) только при наличии социо-культурной доминанты – символа, ради которого стоит страдать и умирать. При этом желательно, чтобы доминанта была только одна: если их две или три, то они накладываются друг на друга и тем гасят разнонаправленные пассионарные порывы... Но даже без такой интерференции может возникнуть анархия за счет эгоистических действий сильно пассионарных особей. Усмирить или запугать их очень трудно; подчас их легче просто убить».

Наверное, политическая элита США имеет представление об этих процессах и пытается найти мощные стимулы (по пути формируя и непосредственные поводы) национального сплочения и новой объединяющей идеи, так как очевидно, что ни «демократия», ни «американская мечта» уже не работают.

Сегодня элита США, сблизившая нацию идеями «избранности», одновременно спланирует ее наиболее эффективно и ускоренно – благодаря «страху мирового терроризма».

Но «страх» проходит, и его надо будет поддерживать еще большим страхом. Необходимость этой страшной, дурной и абсолютной безразличной бесконечности национального (внутреннего) запугивания собственного народа его же элитой не может не привести, в конечном счете (и достаточно скоро), к прозрению нации и поиску ею соответствующих ответов и виновников. История учит, что превратить патриота (человека, любящего своих) в националиста (человека, ненавидящего чужих) достаточно просто. Надо только показать пальцем на «врага» и сказать: «вот он».

Применительно к США можно прогнозировать, что очень скоро этим «виноватым» станет все белое население государства. Это оно сейчас у власти и говорит «вот он – враг», показывая пальцем на «небелых и мусульман», то есть на тех самых, которых в стране будет все больше и больше.

Более того, генетически эгоистическая этика североамериканского суперэтнуса сформировала точно такую же этику и у субэтнуса, его составляющих, правда, осложненную комплексами исторического этнического унижения и расовой несправедливости. Следовательно, пассионарность лидеров субэтнуса, а также и самих этих этнуса, будет носить негативный и первоначально разрушительный характер.

Так что нам ждать от США и к чему мы должны быть готовы?

Нам представляется, что для поиска ответов на эти вопросы надо вернуться в начало этой работы. А в формулировках следует исходить из приведенного выше анализа этногенеза североамериканского суперэтнуса и анализа современного состояния США.

С учетом всего сказанного наши выводы таковы:

1. Выброс избыточной пассионарности США «вовне» сегодня, уже почти автоматически, рождает ответную пассионарность у объектов ее применения, имеющую долгосрочный характер.

Именно этот «американский» фактор способствует возрождению

этногенной активности мусульманского мира и дает ему шанс ощутить себя новым и единым суперэтнотом, что не может не сказаться кровавыми конфликтами в дальнейшей мировой истории.

2. Привычка к бесконтактной войне «на кнопках» и упование исключительно на свое подавляющее технологическое военное превосходство действует развращающим образом на всю Америку.

• Это развращает политиков США, которые не понимают, что любые «виртуальные» войны, или «войны – удары – спецоперации», может быть, внешне и на телевизионных экранах эффектно, но не эффективны. Довольно быстро обнаруживается их изначальная порочность, что никогда не дает ожидаемого результата в долгосрочном плане и, наоборот, в конечном счете ухудшает ситуацию, в том числе и для самих США.

• Это развращает и самих американских военных, так как отучает их от необходимого на войне чувства непосредственной опасности, рождает в них уверенность, что можно воевать «не напрягаясь» и без потерь, делает их неспособными к долговременной боевой работе непосредственно в поле на театре войны. Потому они уже не могут осуществить натиск (действия войск на поле боя), который один и решает исход как битвы, так и войны, ведь выиграть ее можно только контролируя территорию противника. Такая армия не приучена сражаться в условиях непосредственного соприкосновения с противником, а значит и конечной «свалки – штыковой атаки», дающей настоящую победу в бою.

Надо сказать, что руководство вооруженных сил США в целом все это сознает, но поправить положение дел уже не в состоянии, так как главные стереотипы собственно военного поведения уже сложились и приняты нацией как эталонные. Все это означает: общая психологическая уязвимость военных, сочетаемая с одновременно реально существующим и активно культивируемым в армии и обществе комплексом «суперменства», может привести к тому, что уровень и качество принимаемых решений уже не будут адекватными складывающейся обстановке. И потому, возможно довольно скоро, самим военным придется испытать некое (конечно, тщательно скрываемое) разочарование в собственной боевой эффективности. Такой симптом, безусловно, будет обнаружен американскими и мировыми СМИ, и уж они постараются довести до сознания населения, что простому налогоплательщику не нужны такие огромные военные мускулы, которые не только безумно дороги, но к тому же еще и неэффективны. Населением, безусловно, данный тезис будет понят и принят.

Кроме того, пассионарность американской армии, во многом уже утраченная во Вьетнаме, продолжает размываться современным контрактно-утилитарным духом самой военной системы. И те, кто в ней находится, все больше воспринимают ее как временную работу в национальной корпорации и все меньше считают ее собственно службой отечеству. Трагедия здесь в том, что для такой армии пассионарность ее бойцов не нужна – факт, который, по нашему мнению, нетерпим даже в мирное время.

• Это особенно развращает сам североамериканский суперэтнос, ослабляя его этническую толерантность, провоцируя в нем цивилизационные противоречия и снижая общий иммунитет нации к возможным и неизбежным трудностям собственного бытия. Упование на собственную безопасность делает этнос рыхлым, неспособным к мобилизации, длительным напряжениям и национальным усилиям, что, в конечном итоге, делает его нежизнеспособным.

3. Отмеченные выше особенности «национальной охоты на противников» США не увеличивают пассионарности североамериканского суперэтнуса, а делают ее другой (негативной). Причем полная информационная зависимость американского населения от собственных СМИ формирует его устойчивую привычку жить настойчиво навязываемыми (вернее продаваемыми ему) иллюзиями, что делает национальную психологию зависимой и неустойчивой – внезапное «прозрение народа» может окончиться для североамериканского суперэтнуса и США как государства-империи к национальному краху.

4. Современные тенденции развития североамериканского суперэтнуса несут этногенетический долговременный и необратимый характер, что грозит ему вырождением в локальную (ограниченную рамками Америки) антисистему-метрополию. Эта антисистема не имеет шансов на исторически долговременное существование. Она будет постоянно порождать все усиливающееся неприятие «перспектив прозябания во имя Америки» всего остального мира, которое переходит в повсеместное скрытое сопротивление, перерастающее в активное и прямое глобальное противостояние.

В этом противостоянии на стороне США (рано или поздно) останутся только они сами.

5. Организованный американской империей себе самой «мировой бойкот» может привести к разработке нового мирового «континентального» права; созданию новых «континентальных»

(в рамках Евразии) рынков, формированию новых международных экономических и финансовых структур; а также альтернативных существующим новым систем мировой и региональной безопасности, которые заменят все те международные организации, в которых сегодня доминируют США. В результате неизбежен крах США как ныне единственной «тоталитарной демократической империи».

Кроме того.

Навязываемый миру американоцентричный глобализм породил новые негативные тенденции развития планетарного бытия, ведущие к самоуничтожению человечества.

В области геополитики – это открытое и наглое перераспределение ресурсов планеты в пользу меньшинства, то есть в свою пользу. Причем даже уже не требуется хотя бы видимости морального оправдания или политики «подачек». Очевидно, что выживание «утопающих» (опоздавших и несогласных) есть дело рук самих «утопающих». Выходит, необходимость выживания для абсолютного большинства населения планеты становится его «личной трагедией».

В области отношений этносов – это превращение Запада в закрытое расовое общество при одновременном геноциде других миров.

В области глобальной экономики – это ускорение исчерпания ресурсов планеты путем их экстенсивной разработки по циничному принципу «после нас – хоть потоп!».

В области культуры человеческой цивилизации – это последовательное уничтожение национальных культур, фундаментальных наук, гуманизирующей составляющей искусств и разрушение человеческой нравственности. Набирающий обороты процесс уже сделал Запад «творческим импотентом» (ведь не секрет, что Запад в своей суете вокруг прибили практически утратил способность формулировать Большие Цели и Большие Идеи, а все действительно инновационное вывозится им с Востока) и грозит творческим бесплодием всему человечеству.

В области человеческой нравственности – это разобщение, атомизация общества и снижение уровня его целей, идей и задач, а также примитивизация мотивов бытия, что сводит все человечество до уровня «управляемого голодом и похотью стада».

Насильственный слом национальных идеалов и авторитетов.

В области управления глобальными социальными процессами – это примат силового тоталитарного стиля при решении задач любого уровня.

В области международных и межгосударственных отношений – это полный цинизм, правовой беспредел, жестокий прагматизм и подчеркнутая безнравственность замыслов и действий.

Если говорить в целом, грех гордыни довел США-Запад до того, что он считает себя единственной социокультурной системой, способной формировать «правильные» идеи и «правильных» людей, которые только одни и должны жить достойной жизнью избранных, а весь мир это должен обеспечивать.

Важные выводы.

1. Тоталитарность «демократической империи» подчеркнута нами не случайно.

Она проявляется в стратегии двойных стандартов, успешно применяемой США на протяжении уже нескольких десятков лет, а также в полном подчинении политики, экономики, культуры, социальной сферы и морали нации, а сегодня и мира, требованиям американских (транснациональных) корпораций – «немедленной выгоды любым путем».

Двойные стандарты политики США могут быть объяснены тем, что они просто отражают достаточно парадоксальный феномен реального «раздвоения» бытия США на «внутреннюю» и «внешнюю» компоненты.

«Внутренняя компонента» политики США ориентирована на внутреннее потребление и на «продажу имиджа вовне». Она основывается на классических принципах демократии и рыночной экономики. Умелое манипулирование демократической терминологией (при наличии безусловных достижений в экономике и внутренней правовой сфере), а также подчеркнута повышенные стандарты и требования к качеству уровня жизни и потребления внутри страны создали у граждан США и у населения практически всех «цивилизованных» государств мира устойчивую иллюзию безальтернативности именно такой модели своего национального развития.

Но в настоящая время становится все более очевидным: «что для Америки хорошо, то миру – смерть».

Этот вывод очевиден при рассмотрении сути «внешней компоненты» политики США.

«Внешняя компонента» политики США целиком и полностью ориентирована на требования «выгодности бизнеса» транснациональных корпораций и подчинена исключительно задаче достижения национального благополучия за счет всего остального мира.

Сегодня такая политика проводится практически открыто. Де-

магогические (идеологические) завесы теперь требуются и используются США, исключительно для того, чтобы создать (в основном у их атлантических союзников и у простых американцев) иллюзию политкорректности собственного неприкрытого разбоя и оправдать его «насущную необходимость для мира».

Тоталитарность США во внешней сфере проявляется: в установлении их абсолютной гегемонии в мире и создании условий, при которых мир должен признать «американоцентричную однополярность» мира, а все действия США будут всегда единогласно и с энтузиазмом поддерживаться «благодарным человечеством»; в умышленном и целенаправленном разрушении США существующего международного права и дискредитации мировых структур безопасности и сотрудничества; в игнорировании решений и требований международной общественности; в навязывании миру собственных представлений о том, «что такое хорошо и, что такое плохо»; во введении в реальную политическую практику принципа «примата военной силы»; в силовом формировании виртуальной экономики, возглавляемой американским «паразитическим» капиталом, и т. д.

Для увековечения американской модели бытия по формуле «мир должен гордиться тем, что его имеем Мы», США: будут и дальше (и неизбежно) развивать тоталитарные начала своей государственности; свертывать (потихонечку, конечно) внутреннюю демократию, (оставаясь в рамках национальных демократических институтов). Зарвавшаяся сверхдержава продолжит разрушать нашу цивилизацию физически и разлагать общечеловеческую мораль, доводя ее до уровня варварства.

2. Конечная порочность американоцентричной и тоталитарной глобализации мира проявляется в том, что одними из ее основных составляющих являются дегуманизация и аморализация человеческого бытия.

3. Сказанное выше позволяет нам сделать вывод: в настоящее время существует и активно развивается американский либерально- фундаментальный геополитический проект, имеющий целью достижение США абсолютного господства на планете, управление миром через захват его ресурсов и возможность силового подавления всякого национального «инакомыслия» путем установления над миром своей вечной, всеобщей и открытой военно-политической диктатуры.

Анализ современного состояния США и состояния этногенеза североамериканского суперэтноса позволяет сделать следующие выводы (в том числе, ниже изложена и основная суть ответа на вопрос, чего России ждать от Америки):

1. Беспристрастный профессиональный стратегический анализ тенденций развития, принимаемых концептуальных документов, прямых и не прямых действий США позволяет предположить, что в интересах собственного выживания как единственной «демократической» империи американским руководством уже приняты решения завоевать собственное господство в мире и монопольно пользоваться ресурсами планеты. К настоящему времени в США уже созданы реальные экономические, военные и информационные основы достижения поставленных целей.

Базовые алгоритмы и этапы, а также ожидаемая последовательность решения США своих военных стратегических задач (в логике «ястребов») представляются следующими.

Ближайшая стратегическая задача – создание условий беспрепятственного наращивания собственной военной и экономической мощи, обеспечивающей возможности глобального силового воздействия по противнику уровня «разобщенного Ислама»; подготовка общественного мнения планеты к допустимости и правовой необходимости неограниченного применения «атлантической» силы «во имя интересов мира и человечества»; совершенствование геополитических и военных технологий войны, а также совершенствование инфраструктуры глобальной агрессии и безопасности собственных территорий.

Ориентировочные сроки: 2000–2010(15) гг.

Дальнейшая стратегическая задача – разгром и уничтожение России как главного геополитического противника США; овладение ее ресурсами и недопущение к ним всего остального мира (прежде всего Китая); практическая подготовка глобальной и аэрокосмической инфраструктуры для войны по уничтожению Китая.

Реализация вооруженными силами США этой задачи может начаться со своих (международных) «миротворческих» плацдармов и баз, созданных на территориях сопредельных с Россией государств, а возможно и на ее национальной территории.

Ориентировочные сроки: 2012(15) –2025(30) гг.

Последующая стратегическая задача – разгром и уничтожение Китая как последнего геополитического противника США;

переход к полномасштабной глобальной военной диктатуре.

Ориентировочные сроки: 2025(30)–2050(70) г.

Последующие действия (стратегического и оперативного масштаба) будут заключаться: в «зачистке» цивилизационного (планетарного) поля от остатков сопротивления; в решении задачи уменьшения численности населения планеты; в отладке системы оккупационного управления «замиренными территориями» и систем «обеспечения национального благоденствия».

При этом важно отметить, что логика «голубей» подразумевает реализацию тех же задач, но в более растянутые сроки, но, в любом случае, их решение в течение этого (XXI) века.

2. США находятся сегодня в состоянии пассионарного перегрева, который еще сдерживается и размывается как самодовольством «сытой нации», так и возможностью выброса излишков ее пассионарной энергии «за моря».

3. Взятые США на себя «бремя ответственности» по борьбе с мировым терроризмом и объявленная ему война могут не дать должного эффекта: во-первых, вся военно-политическая практика США рискует свестись к масштабным, эффективным, но безрезультатным «боевым рейдам»; во-вторых, будет нарастать авантюристичность принимаемых важнейших политических решений, принимающих все более и более силовой, односторонний и непредсказуемый характер. И потому действия супердержавы неизбежно несут в себе агрессию и имеют негативные последствия.

4. Прямым результатом таких мер может стать неизбежная милитаризация экономики, политики и общественной жизни США. Как мы знаем из истории, это является прямым признаком начала самоликвидации сначала государственной, а затем и суперэтнической систем.

5. США будут постоянно озабочены «развалом» любых альтернативных центров силы; поисками врагов как объектов применения силы и идеологического прикрытия своей явной экспансии – агрессии; созданием военных, экономических и технологических инфраструктур, дающих им возможность осуществлять полный контроль над всеми жизненными ресурсами планеты.

6. В связи с этим США могут стать опасными в их нынешнем качестве – сначала всему остальному миру, а впоследствии и самим себе. Возникает перспектива постепенной самоизоляции США, которая побуждает руководство страны к постепенному снижению военно-политической международной активности, а затем и ее свертыванию.

7. Снижение внешней активности неизбежно приведет к тому, что излишки пассионарной энергии будут реализовываться в самих США, то есть на их территории и внутри североамериканского суперэтнуса. Внутреннее пассионарное напряжение суперэтнуса нарастает и принимает вид столкновения его субэтносов. В этой борьбе субэтносов у англо-саксов (как сегодняшней титульной нации) остается немного шансов удержаться у руля государственной власти, так как по объективным причинам к середине XXI века они будут составлять меньшинство населения страны. Такая ситуация в принципе чревата новой гражданской войной на североамериканском континенте.

8. Понимание такой перспективы побуждает власти США искать способы и варианты собственных действий, отдаляющих наступление такого конца империи.

9. При неблагоприятном стечении обстоятельств, то есть при дальнейшем неразумном руководстве страной и сохранении существующих тенденций развития, США могут исчезнуть как великая держава уже к середине или к концу нынешнего века. Это произойдет в результате вспыхнувшей в стране гражданской войны или мировой ядерной катастрофы.

10. Последствие навязываемой миру антисистемной (античеловеческой) американской глобализации как способа существования суперэтнуса, основанного на примате собственного абсолютного обогащения за счет обнищания всех других, – рост нового национализма в мире, принимающего все более расовый характер. Конечным результатом этих тенденций может стать глобальное и повсеместное противостояние «белых» против «всех остальных».

Этот новый расизм («американский демократический апартеид») усугубляется тем, что в мире формируются различия между «гражданами американской империи» и «негражданами» (членами остального мира, превращенного в «экономическое гетто»), причем различия будут возникать и внутри самой белой расы.

11. Таким образом, США после уничтожения всего, что связано с национальной самобытностью (исторические национальные цен-

ности, культура, территория, экономика, права народов, национальные интересы отдельных государств), могут уничтожить последнюю базовую систему самоидентификации человечества – его расовую принадлежность.

Создаваемый самим процессом американского «самоглобализма» мир может опять принять вид «первичного расового бульона», что с неизбежностью приведет не только к интенсификации процессов этногенеза, но и к наступлению нового «времени варварства», которое покончит с нашей современной человеческой цивилизацией.

В связи с этим «американская часть» Стратегии России, по нашему мнению, может иметь следующее содержание.

1. Прежде всего, наша государственная власть и российское общество должны хорошо представлять себе, что:

- экономическое, военное и социальное усиление России не входит в планы американской правящей элиты;

- основные усилия США и впредь будут направлены на ослабление России, на ее распад как федеративного государства, на окружение России системой своего военного присутствия (новая редакция стратегии «выдвинутых рубежей»), «серой зоной» государств-лимитрофов (все постсоветское пространство), «с удовольствием и за недорого» проводящих политику США;

- зонами американской экспансии в России могут стать в первую очередь наша Сибирь и Дальний Восток как практически последние мировые кладовые жизненно необходимых ресурсов;

- освоение России наиболее вероятно будет осуществляться через дестабилизацию ее «национальных окраин» и вытеснение с территорий и из власти титульной нации, то есть этнических русских;

- основным проводником влияния США по-прежнему являются существующие российские элиты, которые призваны решать вопросы «вхождения России в мировое цивилизованное братство» путем и ценою «интернационализации» ее экономики, культуры, информационного пространства, науки и остатков государственной собственности;

- этот процесс будет обеспечиваться необходимой Западу государственной кадровой политикой, а также путем прямого сговора с правящими элитами, которые он (Запад) «разводит» с собственным народом за право их личного допуска в клуб «сильных и избранных мира сего» и за «нетленность их вкладов там».

2. Вместе с тем сегодня США способны решать часть задач по прямому противодействию радикальному «Исламу», снять с России часть бремени по поддержке безопасности в зонах ее непосредственной ответственности в Средней Азии и затруднить победное развитие Китая.

3. Все это делает возможным и необходимым прагматическое партнерство России с США при безусловном примате наших национальных приоритетов и принципов сосуществования, а также при проведении Россией независимой внешней политики, направленной на обеспечение не менее пятидесяти лет мирной жизни для ее собственного национального развития.

4. Качество управления государством (особенно отработка механизмов принятия важнейших решений), качество национально ориентированной и профессионально подготовленной национальной элиты, а значит и качество государственной кадровой политики приобретают первостепенное значение для судьбы России. Этот вывод в первую очередь касается Вооруженных Сил России, кадров ее специальных служб и всего государственного аппарата.

5. Единственным сдерживающим фактором открытой экспансии-агрессии США относительно России является наша национальная военная мощь и очевидная решимость российской государственной власти полномасштабного ее применения (при необходимости). Конечно же, будущее зависит от разума нации, не согласной с навязываемой ей ролью «осваиваемого ресурса».

6. Главными задачами России российского общества и российской правящей элиты являются масштабное и откровенное разъяснение всему миру и российскому суперэтносу сути современной ситуации и недопущение дальнейшей варваризации российского суперэтнического бытия.

(продолжение в следующем номере)

ЛЕВ ГУМИЛЕВ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ (часть 2)

Александр Владимиров
вице-президент Коллегии военных экспертов,
кандидат политических наук,

Тезисы к логике этногенеза и пассионарности основных современных геополитических игроков, и императивы национальной стратегии России

II. ЛОГИКА ЭТНОГЕНЕЗА (ЭВОЛЮЦИЯ ПАССИОНАРНОСТИ) ЗАПАДА – ЕВРОПЫ И ИМПЕРАТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

1. Теория вопроса.

Лев Гумилев определял состояние этногенеза Европейского (Западная и Центральная Европа) суперэтнуса как фазу «инерционную», или стадию «цивилизации».

«Фаза инерции – плавное снижение пассионарного напряжения этнической системы после надлома. Эту фазу трудно назвать «рассветом», так как ее существо заключается в растранижении богатств и славы, накопленных предками.

Отличительной чертой инерции является сокращение активного социального элемента и полное довольство эмоционально пассивного и трудолюбивого обывателя».

Давая характеристику инерционной фазе, Лев Гумилев отмечал: «После пережитых потрясений люди хотят не успеха, а покоя. Они уже научились понимать, что индивидуальности, желающие проявиться во всей оригинальности, представляют для соседей наибольшую опасность. Однако избежать ее можно, если сменить общественный стереотип. Достаточно лишь измыслить или вообразить идеального носителя наилучшего стереотипа поведения, пусть даже не существовавшего, и потребовать от всех, чтобы они ему подражали».

При этом любое уклонение от общепринятого императива рассматривается как нечто одиозное, неприятное и обществом не одобряемое.

Этический императив фазы: «Будь таким, как я!»

В фазе инерции способность к расширению ареала снижается и наступает пора воздействия на ландшафты собственной страны. Растет техносфера, то есть количество нужных и ненужных зданий, изделий, памятников, утвари – разумеется, за счет природных ресурсов. Этнос теряет связь с почвой, то есть с жизнью, и наступает неизбежный упадок.

«Облик этого упадка обманчив. На него надета маска благополучия и процветания, которые современникам представляются вечными, потому что они тешат себя иллюзией о неисчерпаемости природных богатств или технической мощи прогресса.

Но это – утешительный обман, рассеивающийся после того, как наступают роковые события последнего фазового перехода этноса к обскурации, то есть к этническому распаду».

Так говорит теория.

2. Теперь рассмотрим реальное положение и состояние дел с этногенезом европейского суперэтнуса.

Начнем с проблемы «стереотипа поведения».

Нам представляется, что идеальным носителем наилучшего современного стереотипа поведения в Европе (да и на всем Западе) является «золотая посредственность», которая трудолюбива и экономически благополучна, всегда законопослушна, свою страну любит и свою власть уважает, сотрудничает с местной полицией (стучит на соседей), вовремя платит налоги, любит туризм, готова говорить на тему «прав человека», демократична, толерантна к другим национальностям и культурам, регулярно ходит в церковь и верит почти всему, что видит по телевизору.

В общем, как мы видим, вполне симпатичный и почти идеальный образ. Это идеал «общества потребления» и идеал народа, который «создан для того, чтобы им успешно управляли».

Опасность таится не столько в самом облике обывателя, сколько в том, что при его полном довольстве и благословлении происходит сокращение активного элемента этноса – пассионариев.

Это начало негативного отбора, так как начинают все более цениться не способности, а их отсутствие, не образованность, а невежество, не стойкость во мнении, а гибкая беспринципность.

В обществе все более воцаряются «жизнелюбы», способные только паразитировать на теле сытого этноса, но не способные ни создать, ни сохранить. Этот образ «плейбоев»-транжир усиленно культивируется и даже насаждается в обществе, так как помогает торговать аксессуарами, то есть приносит прямую экономическую выгоду, а именно она и есть мерило обывательского успеха.

Кроме того, сегодня мы уже можем не только наблюдать, но и оценить такое трагическое проявление упадка пассионарности европейского – христианского суперэтнуса, как общее падение нравственных устоев общества и перерождение его базовых ценностей.

Механизм этого падения прост. Главное требование обывателя к своей политической системе (кроме очевидных «хлеба и зрелищ») – «гарантия личной безопасности и общественного порядка», что, конечно, совершенно справедливо.

Но сегодня эта «гарантия безопасности» все чаще достигается путем снижения нравственных национальных стандартов (а значит, и стандартов социальной и нравственной ответственности) и достижением компромиссов (на все более низком уровне и во все более «рискованных» сферах) с представителями субпассионарного «дна». Так разрешаются и легализируются «легкие» наркотики, усыновление приемных детей для официальных семей сексуальных меньшинств (что является не только делом безнравственным, но и противоестественным) и так далее.

Это происходит не потому, что общество не понимает всего возможного ужаса последствий такой «либерализации нравов». Дело в том, что у закатывающегося этноса уже нет ни сил, ни желания бороться за себя. Это происходит потому, что так легче, ведь разрешить проще, чем запретить (не требуется особых усилий). И главное – это экономически прибыльно, поскольку от-

крываются «новые горизонты бизнеса», что в эпоху и в атмосфере патологической алчности играет ключевую роль.

Можно без большой натяжки сказать: Европу (и Запад) погубит жадность.

Титульный этнос теряет свои позиции в сферах непосредственного жизнеобеспечения, он выдавливается из них пришлыми гастарбайтерами (которые сами начинают играть роль самостоятельного субэтнуса) и сам переходит к паразитированию на чужом труде, правда пока еще на своей национальной территории.

Итог этого процесса понятен. Все предпосылки конца уже созданы, и гибель титульного этноса – только дело времени.

Возвращаясь к вопросу «Есть ли что делить субэтносам в Общевосточном доме?», отметим неоднозначность ответа.

Эту неоднозначность ответа мы обнаруживаем в следующем.

С одной стороны, можно подумать, что субэтноты Западной и Центральной Европы объединены стремлением пользоваться накопленным достоянием «настоящим образом» в рамках Общего дома. С другой стороны – очевидно, что уже стали появляться признаки этнического вырождения и распада этого суперэтнуса (признаки его перехода в фазу «обскурации»), чем и вызвана необходимость создания Общего дома. А с третьей стороны – наличие укорененных в государственных европейских телах и чуждых западному христианству иных (исламских) активных цивилизационных плацдармов не может не привести к возникновению серьезных (вплоть до катастрофических) коллизий внутри этого старого суперэтнуса и появлению на его месте (в этой экологической нише) нового суперэтнуса, стремительно вытесняющего старый «Христианский мир».

Лев Гумилев отмечал, что **«...самое плохое в фазе цивилизации – это стимуляция противоестественных миграций, а точнее – переселение целых популяций из натуральных ландшафтов в антропогенные, то есть в города».**

В связи с тем, что ситуация с миграцией представляется нам более сложной, остановимся на этом тезисе чуть подробнее.

Сначала о теории вопроса. Лев Гумилев считал, что «миграция сама по себе не антисистемна и не всегда повод для возникновения антисистемы», что «этнические миграции – процессы стихийные, увлекающие людей, которым только кажется, что они едут в чужую страну по доброй воле». Наверное, это так.

Но мы можем констатировать, что сегодня миграция носит неуправляемый и массовый характер и понимается нами как особый и осознанный вид действий обреченных этносов (или их части) по обеспечению своего выживания.

Мы считаем, что параллельной (долготной) миграции этносов одной генетической линии по вмещающим ландшафтам этносов той же генетической линии сегодня уже не происходит (за исключением, например, предполагаемого исхода белого населения из Европы или Америки, которое имеет шансы на выживание при его размещении на территории Канады и российской Сибири).

Особенностями современного глобального миграционного процесса являются: однонаправленность его потоков из бедных стран – в богатые (и с Юга – на Север, и с Востока – на Запад), его односторонность (только туда, а не оттуда), а также тот факт, что решаются на миграцию в основном беднейшие и отчаявшиеся представители этносов, имеющие низкие личные потребности и стандарты жизни (а поэтому и лучшие шансы на выживание) и готовые в буквальном смысле – на все.

По нашему мнению, эти «противоестественные миграции» спровоцированы Западом и приобрели сегодня планетарные масштабы, характер нового цивилизационного фактора, явления и особенности современного этногенеза.

Мы считаем, что сегодня современная миграция как диффузия этносов является видом суперэтнического контакта, который всегда будет порождать антисистемы, так как пришлый и массовый этнос (всегда имеющий чуждую ментальность) всегда будет подрывать основы существования коренного суперэтнуса и вытеснять его сначала из сфер непосредственного жизнеобеспечения, а потом – и из вмещающего ландшафта.

Примером такой этногенной катастрофы для титульного российского суперэтнуса может явиться массовая китайская миграция (массовый исход населения Китая) в пустые пространства российской Сибири и Дальнего Востока.

Поэтому наш главный в этом плане вывод для практики звучит так.

Что, помимо защищающих миграционных законов и соответствующей политики, надо иметь, чтобы не стать жертвой «противоестественной миграции»? Необходимы свои вмещающие ландшафты, заполненные собственным этносом. Важно защищать и охранять их, а также проводить такую внутреннюю политику, которая обеспечивала бы престижность и экономическую выгодность освоения неосвоенного национального пространства, расширяя вмещающий (кормящий) ландшафт собственного суперэтнуса.

«Инерционная фаза – это фаза торжества здорового обывательского цинизма», – говорил Лев Гумилев. Правда, здесь не может не возникнуть вопрос о том, что является цинизмом «здоровым», а что «нездоровым». Как нам думается, в попытках определиться по этому вопросу мы можем найти верное понимание того, чем и как живет сегодня Европа и что ее ждет.

Нам представляется, что «здоровый цинизм» – это, прежде всего, широкий прагматизм, в котором личное (и даже национальное) эго сплавляется в эго Объединенной Европы, это психология гармоничных особей, которых в Европе всегда было много.

В то же время «нездоровый цинизм» – это, прежде всего, психология «хоть день, да мой», отличающая субпассионариев, которых в современной Европе становится все больше.

Можно констатировать, что в современной Европе практически не осталось не только ресурсов, но и пассионариев. Этот фактор наиболее заметен в Германии, которая сделала даже из армии еще одну федеральную военную социальную структуру.

Понижение наступающего вырождения Европейской цивилизации и всей грозности идущих в Европе этногенных процессов заставляет ее политическую элиту искать варианты продления «нормальной жизни» или варианты «избегания трагического финала».

К сожалению, эти поиски идут по следующим линиям:

- старые подходы («все, что не Европа, то – обезьяны и недочеловеки»);

- новые подходы («мы все знаем и умеем лучше, и поэтому все вы для нас – всего лишь братья наши меньшие и должны всегда быть у ноги – рядом, а если это не так, то можете считать, что вас уже нет»);

- взбадривание себя оголтелым национализмом, то есть практическим обращением к фашизму, и все это – под флагом «общечеловеческих ценностей».

Очевидно, что все эти пути тупиковые и гибельные.

Сегодняшнее состояние Европы, которое можно назвать состоянием «поиска новой консолидации», характерно в том числе и тем, что она стремится хотя бы обозначить свою «новую экономическую мощь, самодостаточность, неуязвимость и агрессивность» под лозунгами «политкорректности и прав человека».

Конечно, Европейский Общий дом – проект перспективный во всех отношениях, в том числе (и потенциально) и в возможности обретения некоей новой идеи, способной приостановить распад суперэтнуса.

Но здесь существует, по крайней мере, два крайне труднопреодолимых препятствия.

Во-первых, наличие в теле Европы цивилизационных (суперэтнических) плацдармов, все более консолидирующегося мусульманского субэтнуса, то есть этноса, имеющего в своей генетике другую шкалу базовых ценностей. Ислам как основная религия (и идеологическая основа) этого субэтнуса составляет существо его образа жизни, что делает субэтнос монолитным и управляемым.

Этот субэтнос практически несмешиваем с коренным (белым и христианским населением) и скоро будет способен к самостоятельным проявлениям своей новой и консолидированной самоидентификации.

Во-вторых, основу генетики самого европейского суперэтнуса составляет ген «стремления к богатству и материальному личному успеху любой ценой».

Это уже превратило Европу из «рыцарской» в «торгашескую», а, по мнению Льва Гумилева, торгоши – бактерии, пожирающие внутренности этноса.

Христианство как религия европейского суперэтнуса является уже более культурной традицией, чем Верой, и не составляет сущности его идеологии и образа жизни. Это обстоятельство делает суперэтнос Европы рыхлым, не способным к консолидации и длительным напряжениям, плохо управляемым. Нельзя не сказать и о том, что католицизм как одна из основных ветвей Христианства волею своего исторического экспансионизма оказался относительно Православия негативно комплиментарным. Другими словами, католицизм (и как Вера, и как идеология) исторически всегда был агрессивнее негативен к Православию и России, и это в исторической реальности всегда хорошо осознавалось Россией и ее суперэтнотом. Более того, в ментальности россиян сложился негативный стереотип оценки действий Католической церкви, как церкви антирусской и антирусской.

Эта негативная оценка католицизма, надо сказать прямо, только усиливается, так как нам (да и миру) становится все более ясно, что католицизм вырождается в совершенно безнравственное религиозное учреждение. Это также значит, что ясно ощущаемая сегодня попытка новой (и надо сказать, беспрецедентно наглой) экспансии католицизма в мир Православия (на Украине, в Белоруссии и в самой России) не может нами позитивно оцениваться.

Нам представляется, что эти абсолютные характеристики для Запада действия, направленные не на искоренение пороков собственной этногенетики, а на «увод» внимания своего суперэтнуса от этих проблем, в том числе и путем усиленной внешней активности, не будут способ-

ствовать ни процессу взаимопонимания европейского и российского суперэтнотосов, ни процессу выздоровления самого Запада.

В целом, мы считаем, что все сказанное выше позволяет нам сделать важные выводы.

1. В существующей ситуации сам европейский суперэтнос с задачами собственного самосохранения не справится.

2. Трагедия христианского суперэтноса (Европы) заключается также и в том, что он:

а) начал развертывание собственного геополитического проекта («Объединенная Европа») с опозданием;

б) сам план этого геополитического проекта имел в своем существовании стратегическую и гибельную ошибку, связанную с попыткой игнорирования России как одного из основных европейских государств;

в) сам проект построен на генетически порочных основах, предполагающих возможности позитивного этногенеза, построенного на абстрагировании от всего национального, самобытного и исторически сложившегося в угоду «политкорректности оторванных от народов и граждан наднациональных правящих элит».

3. Спасение христианского суперэтноса прямо зависит от того, насколько быстро его субэтноты поймут грозящие им опасности, а их элиты найдут в себе мужество внести поправки в политику своих государств и тем спасут себя, свои народы, Европейское Христианство и изменят «сумеречный» ход европейской истории.

Кто же может помочь Европе?

На первый взгляд, ответ, конечно, очевиден: и Америка, и Россия всегда были для Запада «не своими, но чужими». Но похоже, сегодня и Европа становится «чужой» Америке.

Понимая всю серьезность положения США, можно предположить, что проблемы Европы американцы решать не будут, и в лучшем случае от них можно ожидать помощи типа той, которая была в Косово.

Это значит, что Европа очень скоро может остаться со своими проблемами один на один.

Таким образом, Западная Европа и США имеют единый культурно-исторический код, но уже разные интересы. 4

В то же время Западная Европа и Россия имеют разные культурно-исторические коды, но единые интересы, которые все (почти без исключения) находят (и могут быть удовлетворены) на континенте Евразия.

Нам представляется, что (в принципе) существует один совершенный уникальный вариант возрождения европейского (христианского) суперэтноса. Он заключается в том, что (может быть впервые в истории взаимодействия суперэтнотосов) возможен их позитивный и взаимоспасительный контакт. Я имею в виду позитивный контакт европейского и русского суперэтнотосов – мы должны друг другу помочь.

И хотя понимание этого начинается в Европе проявляться, тем не менее мы сегодня наблюдаем провоцирующие действия (агрессию) традиционно антагонистически ориентированного католицизма против России и Православия, которые мы понимаем как геополитические ходы Запада (США) по недопущению нарождающегося партнерства и дружбы Европы и России.

Тем самым Европа (и Запад в целом) – роет себе могилу сама.

Так что же нам ждать от «старушки Европы»? «Ничего хорошего», – отвечаем мы себе и пробуем предположить худший вариант развития событий.

1. Нам представляется, что она («старушка») будет еще долго «бодриться», выдавая миру все новые и новые идеи – политтехнологии и поучая его правилам хорошего тона. Вместе с тем развивается интеграция и взаимная зависимость государств Европейского Дома, правда, одновременно нарастают и все указанные нами выше негативные тенденции суперэтнического бытия.

Особенно опасными для стабильности Европы мы считаем:

- все усиливающуюся демагогическую составляющую применяемых политических технологий и их оторванность от реальной жизни;

- все более агрессивную экспансию католицизма в мир Православия, а значит – возрастающее расхождение «христианских миров»;

- дальнейшую радикализацию коренного белого населения европейских государств, которое не верит в способность государственных и общеевропейских институтов уберечь европейский (христианский) суперэтнос от постепенного «замещения» его, в исторических ареалах и кормящих ландшафтах, пришлыми «цветными» мигрантами;

- растущую численность и усиление радикализации субэтноса «гастарбайтеров».

2. Исходя из этого, следует констатировать: в Европе неизбежен рост «нового национализма», все более принимающего вид расового противостояния. Этот процесс будет заметен не только в государствах Западной Европы, но и коснется центральной и восточной ее частей, а также и России.

Возрастает популярность политиков и политических движений, исповедующих расовую и этническую чистоту своих государств.

Это – прямое следствие инстинктивного осознания коренными этносами Европы возможности своего полного конечного уничтожения, в том числе и по вине политики «либерально демократического» типа, а также в связи с навязываемой миру американцентричной моделью глобализации.

Коренные европейцы все более разочаровываются в возможностях своих государств решать вопросы такого уровня (практически это есть базовые вопросы выживания народов и их бытия) в принципе и осознают определенную порочность их ценностей и образа жизни, с неизбежностью рождающих национальные и расовые проблемы. В результате большинство коренного населения и граждан европейских государств может вообще отказаться в доверии своим политическим партиям, традиционно исповедующим либерально демократические идеалы.

Нам представляется, что в этой связи в Европе, и довольно скоро, возможен приход к власти тоталитарных режимов, которые единственно способны начать решать эти вопросы радикально.

3. Мы считаем, что «утомленное» собственной политкорректностью и общечеловеческими ценностями «сытое» общество может потребовать от своих правителей «очищения Европы от пришельцев». Это практически мгновенно взорвет всю ситуацию в ней и заставит разрозненные мусульманские общины всех европейских государств ощутить себя единым этносом.

4. В случае разрозненных выступлений этих общин государства Европы постараются обойтись своими собственными национальными силами.

В случае массовых выступлений – будет задействован потенциал как национальных вооруженных сил, так и боевая мощь НАТО.

5. НАТО великое противостояние выдержать не сможет и дезинтегрируется. Каждый начнет искать собственных компромиссов (а как мы знаем, это бессмысленно) и будет «умирать в одиночку», поначалу ведя собственную антитеррористическую, а потом и гражданскую войну на собственной территории.

Очевидно, что все сегодняшние европейские институты будут свернуты, а процесс интеграции – отложен на неопределенно долгое время.

6. В целом, «внутренний взрыв» Европы уже до конца этого века почти неизбежен.

Остановить процесс образования нового евро-мусульманского суперэтноса крайне трудно, а наверное, и невозможно. А значит, этот процесс должен быть регулируемым.

7. Регуляция этого процесса возможна только путем создания Европейской системы континентальной безопасности как подсистемы ООН, со своим собственным Советом безопасности и со своими собственными континентальными вооруженными силами, созданными на базе ВС НАТО и ВС РФ. Только такая система будет способна воспрепятствовать притоку в Европу радикальных исламских элементов и противодействовать консолидации их действий.

8. Если говорить о ситуации в целом, то уже к середине нынешнего века Европа может представлять собою картину «угасающей великой цивилизации»:

- уже не будет прежнего технического и экономического могущества, которое «уйдет» на «рынки дешевой рабочей силы, низких затрат и высокой прибыли» в страны третьего мира, формируя именно там своих экономических и цивилизационных конкурентов;

- государственность, дееспособность и независимость государств Европы станет просто призрачной;

- коренные этносы Европы будут вырождаться, а ее южной и западной частями будет обладать новый, и очевидно, исламский этнос;

- сама великая европейская культура будет превращаться в культуру музейного плана;

- территория Европы может стать театром перманентной гражданской войны.

Как же должны себя вести мы и в чем может состоять наша национальная Стратегия, ее «европейская компонента»?

Во-первых, мы обязаны хорошо осознать состояние этногенеза европейского суперэтноса и те угрозы России, которые могут скоро обозначиться.

Во-вторых, Россия и все ее народы, элиты и политические силы должны понять, что Россия не Европа и в Европе быть не должна, что «путь в Европу» – это путь в вырождение, в хаос, в нищету и гражданскую войну.

В-третьих, Россия обязана довести до Европы свое видение возможного развития событий и предложить ей свою прямую помощь.

В-четвертых, наша помощь Европе может состоять в поставке ей энергоносителей (например, путем совместного строительства российского Транс-Балтийского трубопровода), организации совместных антитеррористических действий боевых контингентов, формировании европейской системы региональной безопасности, которую необходимо начать строить уже сегодня.

В-пятых, только пример и исторический опыт мирного сосуществования разных религий, имеющийся почти исключительно в России, поможет сформировать аналогичную европейскую модель.

В-шестых, Россия может принять и разместить на своих просторах часть белого христианского европейского населения, одновременно решая задачи освоения неосвоенных пространств и возрождения своей пассионарности, а также использовать в целях собственного выживания и развития его колоссальный технологический, творческий и организационный потенциал.

В-седьмых, к моменту возможных (в течение 30–50 лет) «сумерек» Европы Россия должна представлять собой уже сформированную, окрепшую и обеспеченную экономической и боевой мощью государственную (суперэтническую) целостность, которая может быть не только притягательным примером обретенной стабильности и расцвета титульной нации, но и силой, способной сказать в Европе свое окончательное и главное слово.

III. ЛОГИКА ЭТНОГЕНЕЗА (ЭВОЛЮЦИЯ ПАССИОНАРНОСТИ) КИТАЯ И ИМПЕРАТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Если следовать теории этногенеза, то современный Китай переживает сегодня фазу «обскурации».

Фаза обскурации – снижение пассионарного напряжения ниже уровня гомеостаза, сопровождающееся либо исчезновением этноса как системы, либо превращением его в реликт.

Теория вопроса.

По Л.Гумилеву, «обскурация» есть последняя активная фаза этногенеза, то есть распад этнической системы.

Ее особенностью, согласно теории, является возможность новой кристаллизации и возрождения суперэтноса на базе оставшихся дееспособными и сохранивших свою пассионарность субэтносов.

Правда, здесь необходимо оговориться, что Лев Гумилев, анализируя процессы этногенеза Китая, вывел его современную этногенную формулу, считая ее отражением состояния китайского суперэтноса как его исторической династии Цин.

Так что же происходит на самом деле? Китай – это старый этнос или уже нет? Можно ли полагать, что современный Китай – уже новый суперэтнос, сложившийся в течение двух послевоенных поколений?

Следует отметить, следуя нашей логике: реальное состояние этногенеза китайского суперэтноса нуждается в пояснении и даже в новом осмыслении.

Нам представляется, что к анализу этногенеза современного Китая надо подходить исходя из нашей концепции «преждевременного старения этносов».

Это наше предположение основывается на следующих логических посылах и наблюдениях.

Мы считаем, что китайский суперэтнос в формуле династии Цин был практически уничтожен и дезинтегрирован непрерывными опиумными войнами, гражданскими войнами и оккупацией уже к концу Второй мировой войны, и тогда же прекратил цикл своего этногенеза. Он не закончился превращением этноса в реликт только по причине его численной огромности и отсутствия других, больших и дееспособных этносов, пожелавших занять его экологическую нишу и его кормящий ландшафт.

Помощь Советского Союза и победа коммунизма в Китае вызвали новую вспышку пассионарности, которая создала предпосылки к формированию нового китайского суперэтноса, завершающего в наши дни свой инкубационный период.

По нашему мнению, благодаря новому курсу экономики и принятию политических концепций, позволяющих сосуществовать «двум экономикам в одном Китае», а также общей управляемой либерализации общественной жизни народа Китай не только стал сегодня самой динамично развивающейся страной мира, но и высвободил огромную, веками зажатую созидательную энергию народа.

Все это привело к рождению нового китайского суперэтноса, только сейчас начинающего новый цикл своего этногенеза.

Следовательно, в настоящее время Китай находится в стадии пассионарного подъема, который будет продолжаться еще одно-два поколения (25–50 лет).

Дальнейшая объективная логика (и законы) этногенеза подсказывает нам, что именно через столько же лет китайский суперэтнос вступит в фазу пассионарного перегрева (акматическую фазу), что сулит нам (да и всему миру) мощную волну китайской внешней экспансии.

Китаю, окруженному морями, горами, пустынями и демографически соизмеримыми соседями, объективно больше некуда расширяться – только на север.

А значит, первой «жертвой» китайской внешней экспансии (по объективным причинам) будет назначена Россия.

Очевидно, что нам практически безальтернативно предстоит прямая суперэтнический контакт, который в любом варианте (прямой военной агрессии или «тихой экспансии») будет иметь однозначно негативные, даже катастрофические последствия для России.

Интересный нюанс. Почти все аналитики и китаеведы считают

Китай этносом древним и поэтому – этносом с угасшей пассионарностью (?). Но нам, видевшим армию Китая в действии, так не кажется.

Численность (размер) этноса всегда играла самостоятельную стратегическую роль, что особенно явно на примере нашего великого восточного соседа.

Китайская армия – это армия большая, даже огромная, ее мобилизационные возможности просто необъятны. Она настолько огромна, что ей не нужны ни особенная подготовка бойцов, ни их пассионарность, так как жертвенность ее солдат всегда будет обеспечена государственной идеологией воинской службы и их количеством.

Оценивая армию Китая в целом, можно констатировать следующее: она хорошо технически оснащена и хорошо подготовлена к войнам XXI века, то есть к войнам по захвату и удержанию территории.

Может быть, эти войны (войны такого типа) и есть сегодняшний «вчерашний американский день», но армии КНР будут противостоять не ВС США, а армия России, причем на своей собственной территории, поэтому этот вывод является для нас крайне важным.

Важные выводы.

1. Нам представляется, что существует Китайский геополитический проект, имеющий целью – достижение господства в мире китайского суперэтноса.

2. Этот геополитический проект находится в латентном (скрытом) состоянии, а сам новый китайский суперэтнос – в состоянии инкубационного периода.

3. Нам представляется, что идейные основы нового китаецентричного геополитического проекта будут носить специфические национальные конфуцианско-коммуно-либеральные черты.

Исходя из этого, сам проект изначально будет формироваться как тоталитарный, самодостаточный (с опорой на собственные силы всех китайцев мира) и моноцентрический, то есть однозначно антагонистический всем остальным геополитическим проектам план исторически неспешного овладения миром. Основной метод реализации проекта – неспешное физическое замещение коренных этносов.

Так что же нам ждать от нашего великого восточного соседа?

- Мы считаем, что на Востоке нас ждет еще около двух-трех десятков относительно мирных лет, то есть лет, когда открытая экспансия Китая или его прямая военная агрессия – маловероятна.

- Правда, все это время Китай будет «кненавязчиво» заполнять российские восточные территории тысячами своих граждан и стараться их там любыми средствами «укоренить».

Этот процесс, который активно идет уже сейчас, является не столько естественным, сколько организованным, так как он есть часть долговременной стратегии Китая.

- Официальный Китай всегда будет отрицать свою причастность к «незаконной миграции», одновременно создавая условия ее нарастания и освоения (и юридического оформления) ее мельчайших продвижений.

- Эта «тихая экспансия» особенно отчетливо проявится в районах Транссибирской магистрали, БАМа, пограничных дорожных переходов, ресурсных регионов и всех основных населенных пунктов, а также объектов военной инфраструктуры.

- Нам представляется, что уже через 10-15 лет начнется «плановое» ухудшение отношений с Россией. К этому времени разница наших уровней развития может достичь порядков величин в пользу Китая, и его политическое руководство перестанет «стесняться своей провинциальности».

- Через 20 лет, в экономическом и военном отношениях, Китай будет готов к войне с Россией. Политический климат начнет стремительно ухудшаться и к середине века может стать невыносимым, а война – неизбежной.

Каковы же императивы нашей национальной «Восточной стратегии»?

Нам представляется, что эти императивы должны заключаться в следующем.

- Вся наша «Восточная» национальная стратегия должна быть направлена на решение двух главных стратегических задач.

Первая стратегическая задача – освоить нашу собственную Сибирь и Дальний Восток самим и до того как это начнут делать за нас китайцы. Эта стратегическая задача выполняется в парадигме прямой стратегии, то есть прямо, безапелляционно, не обращая внимания ни на что.

Вторая стратегическая задача – не допустить прямого военного столкновения с Китаем в течение 25-50 лет. Эта задача должна решаться, в основном, в парадигме стратегии непрямых действий.

- Это время необходимо России, для того чтобы ковать собственную мощь.

- Потребуется создать структуры Дальневосточной (Тихоокеанской) безопасности (или Системы безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона) с участием России, Китая, США, Японии, Индии и т.д.). Они должны быть сформированы даже в случае отказа

Китай вступать в новые региональные блоки.

- Поскольку официальный Китай всегда будет отрицать свою причастность к «незаконной миграции», то наша задача – создать условия, при которых она была бы практически невозможна или хотя бы максимально затруднена.

- Следовательно, мы должны:
 - реализовать государственную программу заселения и освоения нашей Сибири и Дальнего Востока;

- сформировать соответствующую группировку войск;
- воссоздать систему исторического сибирского и дальневосточного казачества, которая смогла бы стать мощным и естественным фильтром и одновременно являлась бы и регулярной компонентой (резервом) Вооруженных Сил России.

- Необходимо привлечь капитал США, Европы, Японии и Китая (конечно, помимо своего) к освоению ресурсов и пространств Сибири и Дальнего Востока России, создав сеть серьезных инфраструктурных проектов, реализация или участие в реализации которых сделает невозможным завоевание этой (нашей) территории.

IV. ЛОГИКА ЭТНОГЕНЕЗА (ЭВОЛЮЦИЯ ПАССИОНАРНОСТИ) ИСЛАМА И ИМПЕРАТИВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Согласно теории этногенеза, Ислам сегодня находится в фазе «надлома».

Причем надо отметить, что когда Лев Гумилев исследовал этногенез Ислама, он рассматривал (почти исключительно) его собственно тюркскую, вернее даже турецкую – османскую часть.

Так как теорию вопроса мы будем достаточно подробно рассматривать при анализе состояния российского суперэтноса, находящегося, по мнению ученого, в той же фазе этногенеза, то сейчас мы позволим себе остановиться только на тезисной констатации новых исламских суперэтнических факторов.

На наш взгляд, сегодня говорить о том, что исламский суперэтнос проявляет себя полномасштабно и монолитно, можно только с большой натяжкой.

Современный исламский мир многосубъектен, полиэтничен, расколот и разнопланов. Он имеет несколько центров, главным образом, религиозной консолидации (назовем, к примеру, Турцию, Иран, Пакистан, Саудовскую Аравию, Египет, Ливию), и каждый из них считает, что «истинный Ислам» – только тот, который исповедует он сам.

Однако Ислам изначально был «сильной идеологической системой», не случайно ряды его последователей сегодня постоянно растут. Такой выдающийся знаток Ислама, как Густав Эдмунд фон Грюнебаум, следующим образом оценивал его сильные стороны:

- «Универсальный» характер Ислама, отсутствие национальной замкнутости этой религии или жесткой привязанности к ограниченному периоду времени.

- Способность Ислама к адаптации: несмотря на преобладающее чувство духовного единства и «чувство коллективного превосходства», мусульмане сохранили и интегрировали необычайно много разнообразных национальных и региональных элементов.

- Хотя, на первый взгляд, мусульманская цивилизация кажется всеядной, она очень избирательна, признавая и принимая то, что поддерживает ее базисные религиозные добродетели, и отвергая то, что противоречит ее индивидуальности.

- Мусульманская цивилизация представляет собой культурное единство, которому чужды наши изначальные побуждения. Она не испытывает жизненной заинтересованности в аналитическом осознании самой себя и, пожалуй, еще меньше заинтересована в структурном исследовании других культур, выявляющем приметы заката этих культур или способствующем лучшему пониманию собственного характера и истории.

- Этот тезис может быть связан с «основополагающим антигуманизмом мусульманской цивилизации, то есть подчеркнутым отказом признать человека хоть в малой степени арбитром или мерилем вещей, и тенденцией удовлетворяться истиной...»

Более того, сегодня все более ясно проявляются, казалось бы, забытые панисламские идеи, и даже новоосманские (пантюркские) имперские поползновения, имеющие вполне конкретные примеры действий.

К тому же в настоящее время особенно явным, важным и опасным фактором развития исламского мира является появление мощного фундаментального и радикального движения, что прямо связано с претензиями исламского ваххабитского религиозного течения на исключительную роль в восстановлении Ислама и распространение его на весь остальной мир.

Практически весь «исламский терроризм» связан с этим течением религиозной исламской мысли и с деньгами Саудовской Аравии, чьей государственной религией является ваххабизм.

По нашему мнению, ваххабизм, по своей сути, есть современная жизнеотрицающая идеологическая и этнологическая антисистема, поставившая своей задачей и миссией – завоевание власти на планете.

Сегодня уже нельзя не замечать, что эта антисистема предпринимает свою экспансию повсюду, в том числе и в неисламских мирах, и пока везде имеет успех.

Правоту этой констатации легко подтвердить примерами Чечни, Афганистана, Пакистана... и даже нашего Татарстана.

Вместе с тем нельзя не признать: Ислам является не только самой активной, но и самой социально ориентированной из всех мировых религий (например, там не может быть беспризорных детей и бездомных нищих мусульман). Поэтому число его сторонников непрерывно возрастает, как возрастает и уровень притязаний мусульман в государствах мира, как и самого мира мусульман.

Сила Ислама как религии в том, что она (в отличие от Христианства) составляет существо образа жизни всех мусульман и базовую основу политик государств исламского мира.

В современной действительности только Ислам обладает способностью простой, надежной и однозначной самоидентификации своих сторонников путем простого противопоставления себя всем остальным по формуле «мы (наши) – они (не наши)».

Этот процесс носит совершенно объективный характер и не зависит ни от уровня образованности, ни от уровня экономической состоятельности, ни от гражданства самих мусульман и даже цвета их кожи.

Самоидентификация всех мусульман мира может быть организована или спровоцирована на всей планете практически мгновенно. Таким образом, ускоренная всеобщая мобилизация и превращение в суперэтнос дают исламскому миру превосходство над остальными суперэтносами (может быть, кроме китайского) в борьбе за выживание и в возможностях позитивного изменения цикла своего этногенеза.

Важные выводы.

1. Исламского суперэтноса еще нет, но его инкубационный период уже очевиден.

2. Пока есть только еще формирующийся Исламский радикальный геополитический проект, который носит вид строительства ваххабитской антисистемы.

3. Исламский (неизбежно) радикальный суперэтнос будет формироваться по мере развертывания и «победного шествия» американоцентрического либерально-фундаментального геополитического проекта, по мере ослабления России и вырождения христианского (Европа) мира.

4. Основной целью геополитического Исламского радикального проекта станет господство в мире исламского суперэтноса, а основным методом его реализации – идеологическое (религиозное) перерождение покоряемых этносов.

Чего же нам ждать от Ислама? Мы даем следующий прогноз для России.

- Дальнейшее «тихое проникновение» радикального Ислама.
- Радикализация исторического и толерантного российского Ислама путем «омоложения» состава действующих мулл выпускниками саудовских медресе, преступными деньгами и террором.

- Попытки «откола» от России всего Кавказа и бесконечная «Кавказская война».

- Создание зоны «абсолютного радикального ислама» во всем Прикаспийском регионе, Средней Азии, Казахстане и Туве. Другими словами – создание вокруг России «исламского радикального пояса».

- Образование подконтрольного радикальному Исламу второго мирового центра добычи углеводородного сырья, с включением в него бассейна Каспия, Казахстана, среднеазиатских республик бывшего СССР, Афганистана, Ирана и Пакистана.

- Радикализация и исламизация Башкирии, Калмыкии, Татарстана, Якутии и других ресурсных регионов России.

- Формирование самостоятельного Среднеазиатско-Кавказского Исламского Центра (Новой Исламской Конфедерации), или ресурсно, экономически и финансово самодостаточного геополитического центра силы.

- Создание нового исламского суперэтноса с радикальной ваххабитской генетикой.

Каковы же, исходя из этого, императивы «Южной стратегии» России?

Во-первых, мы должны отдавать себе полный отчет о возможных перспективах «исламского вопроса» в России и для России и принимать активные наступательные меры (в том числе и в парадигме стратегии не прямых действий) по недопущению развития указанных выше негативных тенденций.

Во-вторых, мы должны понять, что Россия – одно из самых больших мусульманских государств мира (более двадцати миллионов мусульман). Ислам для России является такой же нормальной и традиционной цивилизационной (религиозной) платформой, как и Православие, исторически доказавшие свою взаимную толерантность.

В-третьих, необходимо самым решительным образом разделить наши государственные военные усилия по уничтожению гнезд терроризма в Чечне и на Кавказе и наши государственные усилия по выводу народов Кавказа из состояния войны.

В-четвертых, при решении этих задач следует исходить из того, что с преступниками и преступными кланами договариваться

не нужно, их надо уничтожать; мирное население Чечни можно перевести в режим мирной жизни, только дав ему работу, новых пророссийских мулл, воспитав молодежь и будущих чиновников в российских учебных заведениях и т.д.

В-пятых, без наших серьезных и постоянных государственных усилий по институализации исторического российского Ислама (в частности, этоочищение от радикальных элементов, его защита и государственное признание) – мы будем всегда опаздывать по сравнению с действиями радикалов и, рано или поздно, проиграем им наш Ислам, а значит и Россию.

В-шестых, понимая, что одним из приемов религиозной экспансии является радикализация Ислама через его замещение ваххабизмом, важнейшей стратегической целью России мы должны поставить мощное противостояние радикализации собственного российского Ислама.

В-седьмых, основными направлениями стратегии России должны стать:

- разработка и реализация масштабных инфраструктурных проектов (например, Каспийского энергетического и транспортного проекта), совместное владение и эксплуатация которых составит новую базу взаимной заинтересованности и доверия мусульманских и славянских государств региона;

- «связывание» азиатских прикаспийских мусульманских государств общей ответственностью за военно-политическую стабильность и безопасность рамками и задачами системы коллективной безопасности этого региона (возможно, в виде нового военно-политического альянса) при доминирующей роли в ней России.

V. ЛОГИКА ЭТНОГЕНЕЗА (ЭВОЛЮЦИЯ ПАССИОНАРНОСТИ) РОССИИ И ИМПЕРАТИВЫ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ

Согласно теории этногенеза, Россия сегодня находится в фазе «надлома».

1. Теория вопроса.

Фаза надлома характеризуется резким снижением пассионарного напряжения после акматической фазы, сопровождающимся расколом этнического поля.

Лев Гумилев пишет об этой фазе так: «Надлом – фаза выразительная, и ее заметить не трудно. Пассионарное напряжение этнической системы вдруг начинает стихийно снижаться. Происходит это самым простым способом: убийством наиболее выдающихся деятелей. Сначала гибнут политики, затем идеологи, поэты и ученые, потом – толковые администраторы и, наконец, трудящиеся – приверженцы уже погибших вождей. Остаются только предатели, постоянно переходящие на сторону очередного победителя, чтобы изменить и ему, как только он попадет в беду, и люди столь ничтожные, что их не трогают, если они не попадают под горячую руку. Начавшийся надлом замечают, прежде всего, современники, не все, разумеется, но наиболее патриотично настроенные и дальновидные».

Механизм перехода этноса к этой фазе ученый видел следующим.

В фазе надлома (которая наступает сразу после акматической фазы, или фазы пассионарного перегрева) характер этногенеза резко меняется. Снижение общего уровня пассионарности системы (связанное главным образом с гибелью большого количества пассионариев и их выбросами в другие страны в предыдущей фазе цикла) приводит к тому, что ведущие блоки главных социальных систем (политика, армия, государственная служба, идеологические институты и т.д.) наполняются выжившими шкурниками, то есть «гармоничными особями» (особями, пассионарный импульс которых равен по величине импульсу инстинкта самосохранения), либо субпассионариями (особями, пассионарный импульс которых меньше импульса инстинкта самосохранения), проникающими на высокие должности благодаря родственным или клановым связям (непотизм).

Эгоистическая этика этих «новых людей» диктует новый стереотип поведения, что в результате приводит к упрощению системы. Причем вся новая система власти упорно вытесняет оставшихся пассионариев на обочину общественной жизни, то есть на окраины ее социального ареала.

Энергии для поддержания работоспособности системы остаются все меньше, и она начинает давать сбои, так как управляет по-настоящему – некому. Упрощение системы ведет к выбросу свободной энергии, и поэтому таланты и бойцы уходят за рубеж, в преступность или в творчество.

Индикатором надлома являются всякого рода реформации, которые есть индикаторы смены знака системы, а значит начала ее упрощения.

В надломе обычно бывает короткий период депрессии – это период «разгула» субпассионариев, возглавляемых или явным «шкурником», или оставшимся «стихийным» пассионарием, «поющим свою последнюю, лебедию песню». Эту фазу надо уметь пережить, чтобы перейти к следующей.

Лев Гумилев утверждает, что фаза надлома – это возрастная болезнь этноса, которую необходимо преодолеть, чтобы обрести иммунитет.

Как нам представляется, одна из самых важных задач суперэтноса, переживающего фазу надлома, – не допустить его окончательного раскола и, в любом случае, утраты влияния в суперэтносе титульной государствообразующей нации. Необходимо формирование власти, способной подняться до уровня проблем выживания народа.

Такова теория вопроса, которая, на наш взгляд, с потрясающей точностью воспроизводит российскую действительность и наше недавнее прошлое.

Поговорим теперь о реалиях нашего времени.

При рассмотрении логики этногенеза России, с нашей точки зрения, надо исходить из анализа естественного хода этногенеза, данного Львом Гумилевым, и из сделанного нами вывода о том, что «напряженность жизни – старит этнос преждевременно». И разные посылки должны, по идее, привести нас (согласно логике) к разным выводам и (с неизбежностью) к разработке других национальных стратегий, основанных на других постулатах.

Так ли это? Напомним уважаемому читателю, что, согласно Л. Гумилеву, российский суперэтнос (Россия) сегодня находится в фазе «надлома», внутренним содержанием которой является «утрата ощущения единства внутри суперэтноса».

Попробуем определить, правомочно ли делать такой вывод относительно России.

1. Этногенез России в логике «преждевременного старения».

Мы берем на себя смелость предположить, что революция 1917 года была историческим фактом, которым заявил о своем появлении новый российский суперэтнос, обозначенный нами сегодня как «советский». Еще совсем недавно «советский народ» был официально объявлен Советской властью СССР «новой исторической общностью». Надо сказать, что тогда это утверждение не казалось ошибочным – наоборот, представлялось исторически оправданным, и конечно, совсем не выглядело как химера. И сегодня многих, и нас в том числе, мучает вопрос о том, почему же Советский Союз распался так быстро, бездарно и болезненно. А потому (кроме массы уже известных вариантов ответов) попробуем найти ответ в логике этого варианта этногенеза.

В целом, логика варианта «преждевременного старения» этногенеза выглядит следующим образом.

Весь XX век был для России (СССР) и русского (российского, советского) народа-суперэтноса веком сплошного непрекращающегося титанического напряжения, которое определило весь цикл этногенеза протяженностью (вместо 1200–1500 лет) в сто лет. Другими словами, наш народ трудился и жил с десятикратной интенсивностью, а значит и такой же перегрузкой и перенапряжением.

В этом варианте фазы его этногенеза выглядят следующим образом.

Реформы Александра II – начало пассионарного толчка.

Этап пассионарного подъема – реформы Столыпина, Первая мировая война, взрыв революций в 1917 году, Гражданская война и статуйрование нового суперэтноса декларацией образования СССР.

Акматическая фаза (фаза пассионарного перегрева) включает в себя коллективизацию, индустриализацию, репрессии и Великую Отечественную войну.

Фаза надлома – послевоенные годы, восстановление разрушенного народного хозяйства и «оттепель» Никиты Хрущева.

Инерционная фаза, или фаза «золотой осени» цивилизации, совпала с «эпохой застоя» Леонида Брежнева.

Фаза обскурации, или этнического распада, началась со смерти Ю. Андропова и затем стремительно нарастала действиями М. Горбачева и Б. Ельцина. Как результат – СССР распался на независимые государства, а к концу века единый суперэтнос – «советский народ» распался на субэтносы. Здесь надо оговориться: процесс распада носил, в целом, насильственный характер, так как народы «разводили» их правящие элиты, обаянные жаждой власти, собственности и личного обогащения.

Тем не менее, как видим, практически все фазы этногенеза российского суперэтноса вполне уместаются в логику варианта «преждевременного старения».

Согласно этой логике мы (Россия и наш суперэтнос) находимся в фазе обскурации, то есть в фазе этнического распада, который наиболее заметен в (негативных и сложных) отношениях «национальных республик» Российской Федерации к федеральному центру и к титульной нации государства, то есть к этническому русским, а также в нескрываемом росте местного национализма и в сепаратизме устремлений некоторых субъектов Федерации.

Лев Гумилев называл эту фазу «Сумерки этноса» и так описывал ее признаки: «... наличие людей и нетворческих, и нетрудолюбивых, эмоционально и умственно неполноценных. Они плохие солдаты, никакие рабочие. «Жизнелюбы» начинают размножаться без ограничений и, поскольку они являются особями нового склада, создают свой императив: «Будь таким, как мы», то есть не стремись ни к чему такому, чего нельзя было бы съесть или выпить. Всякий рост становится одиозным, трудолюбие подвергается осмеянию,

интеллектуальные радости вызывают ярость. В искусстве идет снижение стиля, в науке оригинальные работы вытесняются компиляциями, в общественной жизни узаконивается коррупция, в армии солдаты держат в покорности офицеров и полководцев, угрожая им мятежами. Все продажно, никому нельзя верить, ни на кого нельзя положиться, и для того чтобы властвовать, правитель должен применять тактику разбойничьего атамана: подозревать, выслеживать и убивать своих соратников. Порядок, устанавливающийся в этой фазе, никак нельзя считать демократическим... Здесь господствует негативный принцип отбора».

Нам представляется, что сказанное выше нашим великим соотечественником с ужасающей точностью воспроизводит не только нашу российскую действительность, но и общую тенденцию национального развития. Правда, мы еще не дожили до «солдатских мятежей», но... У нас еще все впереди, так как главное человеческое качество, востребуемое сегодня властью, – это беспринципность и способность «из ничего делать деньги».

Далее, согласно теории, идут фазы «гомеостаза» (нулевого уровня пассионарности), затем переход к «мемориальной фазе» и к «вырождению». Что это такое, мы можем сейчас увидеть на примере жизни современных эвенков или эскимосов.

Как бы забегая вперед, скажем: мы эти фазы еще не прошли, поэтому у нас есть только два варианта судьбы: или «естественное вырождение»; или «организация нового пассионарного толчка».

Пока что наш суперэтнос явно «засыпает», и «разбудить» его (нацию) может только новый пассионарный толчок.

Таким толчком могут явиться:

- серьезная война, которая делает это (разбудит народ) автоматически (правда, если будет война с Китаем, возможна уже через 20–30 лет, то может стать так, что будить уже окажется некого);

- новая национальная государственная идея (проект), провозглашенная пассионарным лидером нации, имеющим профессиональную (и пассионарную) команду.

2. Этногенез России в логике «естественного развития».

Рассмотрим только основной признак фазы надлома: «утрату пассионарного напряжения и ощущение единства внутри суперэтноса».

Проследим эволюцию пассионарного импульса в России после Великой Отечественной войны.

После Великой Отечественной войны пассионарный импульс, данный ею, несмотря на гибель десятков миллионов россиян, был удержан Россией за счет эйфории победы, необходимости новой внутренней мобилизации и возможности устроить свою послевоенную жизнь.

Успех этого дела был обеспечен не только плановой экономикой и жесткостью государственного управления, но и тем, что много пассионариев «определенного толка» и ушедших в преступность (которая захлестнула послевоенную Россию) была «убрана» в резервации ГУЛАГа.

Затем творческие пассионарии были вытеснены системой из управления страной (и даже из армии) как угроза строю и личной власти генсеков. К власти в стране пришли даже не «гармоничные люди», а развращенная благостями «капиталистического быта» и возжелавшая красивой жизни «серость», которая не нашла другого пути к собственной реализации, как только под знаменами «демократии». Надо сказать, что у них это получилось, так как первоначально их поддержала большая часть российских пассионариев, которые тоже увидели в «демократизации» свой «последний исторический шанс».

Прямым следствием этого процесса явилась утрата ощущения единства субэтносов в едином советском суперэтносе, что привело к его расколу на российский и «все остальные».

Затем последовал парад суверенитетов – «советская смута», кончившаяся распадом СССР.

«Демократическая смута» конца XX века, закончившаяся самоуничтожением СССР, чуть было не закончилась распадом и Российской Федерации.

Но Россия удержалась (и пока что удерживается) на этой грани, главным образом – здравым смыслом нации и только потом – решительностью В. Путина и офицерским корпусом армии, а также выстраиванием четкой вертикали государственной власти, которая своим устройством (конструкцией) парирует (пока) столь опасную для России самостийность регионов.

Однако все еще зыбко, так как главная задача нации – восстановление своей государственной мощи и нового органического облика (империи в пределах уже исторически достигнутой ойкумены) еще не решена.

Хорошо изученная нами история наших пассионарных импульсов и обнаруженная тенденция затухания национального пассионарного напряжения (и даже собственный опыт более чем тридцатилетней военной и государственной службы) привели нас к следующим выводам.

Каждый пассионарный импульс в России заканчивался не

развившись – потому, что рожденная им и развивающая его управляющая система (система высшей государственной власти) при первых признаках собственной стабилизации изгоняла и уничтожала лучших своих пассионариев, как в политической элите, так и во всех остальных сферах функционирования государства и даже в армии. Пассионарии – люди ответственные, требовательные, а значит и неудобные. Расплата за эту безответственность следовала практически всегда, но проявлялась не всегда сразу.

Система умирала (как КПСС и СССР), в том числе и от собственной беспроблемной серости и торжества желающих уклониться от всяких обязанностей. Ведь во время перемен или опасности, то во власти уже не было людей, способных этим заниматься и добиваться положительных результатов. Эту ситуацию мы сегодня испытываем на себе.

Конечно, сегодня в России все признаки надлома ее суперэтноса налицо. Лев Гумилев считал, что полная гибель суперэтноса наступит (в том числе) и тогда, когда столица и провинции перестают думать, чувствовать, а значит и действовать согласно. К сожалению, мы видим, как эта гибельная тенденция продолжает «править» в России, а попытки ее нивелирования нашей высшей государственной властью, мягко говоря, – невняты.

Кроме того, утрата пассионарности российским суперэтносом зашла так далеко, что он перестал поставлять в армию добровольных защитников Родины, а это есть точный признак «начала конца».

Но на наш взгляд, уже в самом конце XX века в России появились первые симптомы выздоровления – национальной (суперэтнической) регенерации (то есть вторичной интеграции), что, как нам представляется, можно считать признаком новой доминанты нашего национального развития сегодня.

Появлению этого нового фактора национального развития способствовал сам факт развала СССР, который не только отделил от метрополии западные и азиатские провинции, но и образовал мощную 25-миллионную русскую диаспору в ближнем зарубежье. Все это сделало необходимой не только нашу национальную регенерацию (речь идет о процессе вторичной кристаллизации российского суперэтноса), но и создало объективные предпосылки к ней, потому что огромная и, поневоле, наиболее пассионарная часть россиян (диаспора) получила огромный стимул к возрождению своей угасшей пассионарности. Мы имеем в виду стремление всех россиян к воссоединению, что (рано или поздно, но неизбежно) должно привести нас к активным действиям в этом направлении.

А для того чтобы действовать, надо иметь пассионарность, а значит, она будет вновь востребована нацией – следовательно, и возродится вновь, и возродит собою этнос.

Не затрудняя уважаемого читателя дальнейшими деталями анализа, скажем сразу главное.

Самым удивительным (и неожиданным) при анализе выбранных вариантов является наш вывод о том, что рассмотрение этногенеза российского суперэтноса в разных логиках приводит нас к одним и тем же выводам, поскольку его конечные фазы (в обеих логиках) совпали в главном – в необходимости спасения нашего суперэтноса.

Вот почему очень важно четко выяснить, можно ли нацию пассионарностью «заразить» и можно ли угасшую пассионарность «возродить».

На оба вопроса отвечаем утвердительно «ДА!»

Здесь мы хотим поставить некий знак препинания и высказать очень важный тезис.

Дело в том, что российский суперэтнос, даже после утраты своей «советской» составляющей, остался великим народом и самостоятельным суперэтносом.

Дело в том, что наш суперэтнос во время нашего последнего «демократического» национального катаклизма не распался. Он очистился, стал менее мозаичным, а значит и более монолитным, сохранив здоровое русское (русскаяязычное) ядро, а значит и шанс к развитию более удачному и конструктивному, чем во время предыдущих фаз своего этногенеза.

Другими словами, мы считаем, что, «освободившись» от своих «охран», российский народ-суперэтнос теперь имеет возможность заявить о себе как о новом-старом суперэтносе и начать новый цикл своего этногенеза, тратя свою пассионарность на строительство себя самого.

Для этого нам необходимо найти (обнаружить) запасы пассионарности и или создать ее заново, так как только пассионарность нации способна регенерировать (восстановить) суперэтнос и сделать цикл его этногенеза более или менее естественным, а его дальнейший исторический путь – успешным и победительным.

Логика здесь такова. Чтобы выжить, надо организоваться. Следовательно, нужна пассионарность, позволяющая ставить идеал выше ближних непосредственных интересов.

Другими словами, нам требуется идеал – далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно и даже инстинктивно как Правое Дело всего Народа. Только такой идеал позволит уже нынешним по-

колениям «подняться над суетой дня» и, несмотря на всю тяжесть существующего положения, не жить только сегодняшним днем, а формировать дела (проекты) и совершать поступки, способные спасти и ныне живущих, и наших потомков.

Это значит, что нам необходима национальная государственная идея как инструмент воссоздания нации и как проект, способный возродить ее цивилизационный потенциал.

Здесь существует такая связь: новый идеал – даст новую пассионарность, новая пассионарность – даст новую организованность, новая организованность – даст другие (высшие) системы сохранения и развития этноса.

В качестве примера спасения как суперэтнической регенерации Лев Гумилев приводит исторический факт восстановления России после Смутного времени. Хотя этот пример относится к другой (акматической) фазе нашего этногенеза, мы считаем его корректным и для настоящего времени, так как наша нынешняя ситуация иначе чем Смутным временем сегодня и не обозначается.

Нам представляется, тезис о неизбежности гибели суперэтноса при рассогласовании (разнонаправленности) дум, чувств и действий столицы и провинции – верен.

Тем не менее, по нашему убеждению, в России возможна этническая регенерация за счет неиспользованной (нерастраченной) пассионарности окраин, ибо пассионарность, мы полагаем, «сгорела» в центре, но не в провинциях. Для ее возрождения требуется не только новая национальная идея, но и сверхнапряжение нации (этноса), выполняющей новый национальный (цивилизационный) проект (который при любой экономической наполненности обязан быть идеологическим), а также мобилизация пассионарных резервов нации.

Нам представляется, что в России эти резервы почти целиком сосредоточены (вернее, еще существуют):

- в ее провинции;
- в ее силовых структурах, прежде всего в армии;
- в ее культуре;
- в той части государственной и негосударственной сфер, которые представлены врачами, спортсменами, изыскателями и т.д.

Таким образом, мы считаем, что спасение российского суперэтноса, то есть этническая регенерация, придет из провинции, сохранившей запасы неизрасходованной пассионарности и российской суперэтническую культурную традицию.

Правда, здесь представляется важным, чтобы эта пассионарность была бы востребована Центром или была навязана ему обществом.

В этот период, то есть в период пассионарного спада, нам, может быть, как никогда важно задуматься над тем, кто и как будет передавать нашу культурную традицию. В свою очередь, необходимо, как минимум, иметь «что» передавать (сама культурная традиция), «кому» передавать (сам народ, воспринимающий эту культурную традицию как свою собственную), «через что» передавать (источники культурной традиции, ее письменные, электронные и любые другие носители) и, конечно, главный субъект культурной традиции нации – ее корпус учителей, деятелей науки, искусства, национального экспертного сообщества и т.д.

Если мы решим эту задачу сейчас, то обеспечим уже не только регенерацию российского суперэтноса, но и возможность его нового возрождения после очередного пассионарного толчка, который мы должны организовать сами, и прежде чем иссякнет энергия прежнего.

Если к этим вышеперечисленным сферам мы добавим и армию (как оплот и заповедник пассионарности, а также как единственную государственную корпорацию, вырабатывающую «безопасность», без чего никакое развитие просто невозможно), станет очевидно: все перечисленное выше и есть те сферы, в которые государство должно вкладывать деньги.

Попробуем определить, как Афганская и Чеченские войны повлияли на уровень общей пассионарности России. Нам представляется, что общий вектор их влияния направлен в сторону ее роста. Свое предположение мы обосновываем следующими наблюдениями:

- эти войны были относительно недлительными и относительно малокровными (общие потери сравнительно невелики);
- через эти войны прошло достаточно много людей (около миллиона человек) – главным образом, молодые мужчины, способные дать пассионарное потомство;
- эти потомки воинов (а значит, по определению, пассионариев), в свою очередь, способны возродить общую пассионарность России и наполнить ею ее суперэтнос. Такой всплеск общей пассионарности России может быть предположен:
 - как следствие Афганской войны – к 2010–2015 году (конец войны + 25 лет жизни);
 - как следствие Чеченских войн – к 2020–2030 годам (2002 г. + 25 лет жизни).

Пассионарность может иметь и «импортный» характер.

Это означает для этноса возможность получить ее извне – в результате столкновения с пришлым этносом в своей экологической нише либо вследствие ее (также идущей извне) «прививки».

Так можно ли считать прививку демократии нам (России) равнозначной – инъекции пассионарности (обновления крови)? Наверное, можно.

Правда, эффект этой инъекции закончился быстро. Мы сами свидетели того, как пассионарии ринулись в политику и истребили себя в ней (а власть со «сластолюбивым стоном» утаптывала и заливала бетоном все политическое поле, выискивая и затаптывая лучших и оставляя на поверхности явных подручных «шкуриков»), в то время как «система» была уже давно не пассионарна.

Руководящая система государства вырождалась и отторгала любую пассионарность, включая армию, которая, «сдав» Советскую власть в 1992 году, не выполнила даже свой конституционный долг.

История говорит, что этнос беззащитен, когда он теряет себя, то есть «меняет душу» (стереотипы поведения и общественный императив существования) и утрачивает национальные ценности.

Попытки соединить несоединимое своим последствием всегда имеют плачевность состояния.

Мы наблюдаем правоту этого тезиса ежедневно, но еще мало делаем для того, чтобы не поступать так и не умножать тем наши раны. Потому так непонятны и отвратительны нашему народу все продолжающиеся попытки его вестернизации, идущей сверху.

На наш взгляд, российский суперэтнос (исторически и практически он всегда находился в полном государственном рабстве), который только всего десять лет назад был приобщен к основам демократического государственного устройства, удивительно быстро усвоил все его преимущества для личной жизни. Этот факт дает нам уверенность в том, что уже через одно поколение Россия сможет найти и черпать свою пассионарность в Свободе, в личной инициативе освобожденного народа.

В целом, все это значит, что пассионарность России может быть серьезно возрождена:

- как следствие прихода к активной политической жизни детей героев последних войн России;
- как реакция «очухавшегося» после «прививки демократии» населения страны;
- как ответ народа на явное национальное унижение и бездарность власти;
- как естественное стремление наших сограждан к собственному выживанию в рамках (надежной, проверенной временем и сегодня безальтернативной формы) коллективного существования в условиях относительной собственной свободы.

Все это в сумме может дать суперэтносу России два-три пассионарных поколения начиная уже с 2010 года и практически до конца XXI века.

Поскольку процессы этногенеза идут сегодня более интенсивно, инкубационный период (появления) нового российского этноса может уложиться в эти два-три поколения, то есть около 50–75 ближайших лет.

Этот важный вывод также означает и другое: срок собственного созревания наш новый российский суперэтнос должен (желательно) прожить без серьезных суперэтнических и катастрофических контактов.

Петр I как-то сказал, что «нам Европа нужна на сто лет, а потом мы повернемся к ней задницей». Причем Екатерина II сделала это уже через 30 лет, то есть через одно поколение (правда, это было поколение боевых успехов Русской армии, ведомой гениальными Потемкиным, Румянцевым и Суворовым).

Другими словами и в целом, мы не должны 50–70 лет серьезно воевать с Китаем, «Исламом», США или с Объединенной Европой, и наша национальная стратегия и политика обязаны обеспечивать (выдерживать) этот императив.

Из нашего вывода также следует, что у России есть (может и должно быть) столько времени на формирование своего нового пассионарного потенциала, на строительство своей новой мощи и национального (цивилизационного) облика, на разработку и реализацию своего собственного цивилизационного Евразийского проекта.

Таким образом, мы можем констатировать: у России появились некоторые временные определенности ее будущей стратегии, а у ее внешней политики – и некоторые конкретные и базовые задачи, которые наше государство обязано реализовывать практически любой ценой. Здесь речь, безусловно, не идет о прямой агрессии против нас или других экстраординарных сценариях нашего ближайшего будущего.